БРЮС СТЕРЛИНГ

СТАРОМОДНОЕ БУДУЩЕЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Легги Стерлитц встречается в Хельсинках с Булатом Хохловым, бывшем некогда офицером КГБ, а теперь представляющем русскую мафию. Они собираются открыть на Аланских островах оффшорный банк для отмывания денег. В дело еще вмешиваются и финские террористы, мечтающие о независимости островов. Для помощи в этом предприятии Хохлов, используя связи КГБ, вызывает Рафа Шакала — «истинно международного революционера, свободного художника с десятью паспортами»…

- Брюс Стерлинг
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Брюс Стерлинг
Последний шакальчик

— Ненавижу Сибелиуса, — заявил русский мафиозо.

— Это финский национализм, — ответил ему Легги Старлитц.

— Поэтому-то я и ненавижу Сибелиуса. — Русского звали Булат Р. Хохлов. Когда-то он был офицером КГБ, отвечал за связи с военно-воздушными силами Афганистана. Как и многие ветераны афганской войны, Хохлов после развала Союза ушел в организованную преступность.

Старлитц профессиональным взглядом дилера осмотрел оттиск CD-диска и пластмассовые навески.

— Европейцы, уж конечно, делают вид, что им нравится эта классика, сказал он. — Почти как поп, но реальный продукт не продаст. — Он вернул диск в стойку. Уличный прилавок был снабжен хитро выверенной приманкой для туристов. Старлитц оглядел стеклянные клипсы и деревянные украшения, потом внимательно вперился в набор непристойных открыток.

— Здесь не Европы, — фыркнул Хохлов. — Это царистское Великое Герцогство с претензиями на буржуазность.

Старлитц пощупал сувенирную фуфайку из искусственного хлопка с комичным красноносым оленем на переду.

Под зверушкой красовалась сложная надпись на финноугорском — языке, зараженном умляутами.

— Это Финляндия, ас. Европейский союз.

Хохлов был обмундирован в совершенстве: в льняной костюм-тройку и щеголеватый соломенный канотье. Жизнь в новой России пошла ему на пользу.

— По крайней мере, Финляндия не вошла в НАТО.

— Да ладно тебе, Польша в него уже вошла. Смирись.

Они отошли к следующему столику, за которым орудовал миловидный финн в цветастой летней блузе и резиновых тапках. Старлитц примерил солнечные очки с вертящейся стойки. На пробу огляделся вокруг. Рынок. Картофель. Укроп. Морковка и лук. Корзинки с клубникой. Цветы и флаги. Оранжевые тенты над деревянными прилавками турок и цыган. Лосося здесь продавали прямо с палуб вонючих рыбацких лодчонок.

Хохлов вздохнул:

— Леха, ты не видишь исторической перспективы. — Он вытащил «данхилл» из красной квадратной пачки.

Подле него немедленно возник один из двух телохранителей

Хохлова, своевременно щелкнув «зиппой».

— У тебя нет правильного чувства культуры, — настаивал Хохлов, вдохнул дыма и раскатисто закашлялся. Телохранитель убрал зажигалку в карман пиджака с эмблемой «Чикаго булле» и безмолвно удалился, мягко ступая в чистеньких «адидасах».

Старлитц, который пытался бросить курить, стрельнул у Хохлова сигарету, которую был вынужден прикуривать сам. Потом он заплатил за очки, отделив лососевого цвета полтинник от толстой пачки финских марок.

Хохлов ностальгически помедлил у Царицына Обелиска, воинственного монумента, увешанного гирляндами аристократических фетишей Романовых, отлитых в бронзе. Хохлов, чьи политические симпатии склонялись к правым из «Памяти» с налетом панславянской мистики, с неподдельным удовольствием похлопал гранитное основание памятника. Потом устремил взор на Эспланаду:

— Ратуша Хельсинки?

Старлитц поправил солнечные очки. Когда он, сидя в подвале в Токио, организовывал эту часть сделки, ему и в голову не пришло, что в Финляндии может быть столько света.

— Действительно ратуша.

Хохлов повернулся поглядеть на забрызганную солнцем Балтику:

— Как по-твоему, сможешь попасть в это здание с проходящего катера?

— Ты имеешь в виду лично меня? Даже не думай.

— Я имею в виду человека в наемном быстроходном катере, вооруженного ручным бронетанковым минометом со склада Красной Армии. Абстрактно говоря.

— Все в наши дни возможно.

— Ночью, — не унимался Хохлов. — Предрассветный рейд городских коммандос! Умно спланированный. Точно исполненный. Жесткая оперативная точность!

— В Финляндии лето, — сказал Старлитц. — Солнце не сядет здесь еще несколько месяцев.

Хохлов, вырванный из своих грез, нахмурился:

— Не имеет значения. В любом случае я не тебя имел в виду как агента.

Они, гуляя, побрели дальше. Финн за ближайшим столиком торговал большими расфуфыренными ондатровыми шапками. Ни один местный такого не купит, поскольку шапки были именно тем типом псевдоаутентичных культурных реликтов, какие фигурируют только в ориентированной на туристов экономике. Бизнес финна, однако, процветал. Он ловко проводил

«Мастеркарде» и «визы» обгорелых датчан и немцев в прорезь ручного мобильного устройства, считывающего кредитные карточки.

— Наш человек прибудет завтра на копенгагенском пароме, — объявил Хохлов.

— Ты уже встречал этого типа раньше? — спросил Старлитц. Когда-нибудь вел с ним настоящие дела?

Хохлов двинулся бочком, швырнув тлеющий окурок «данхилла» на серую брусчатку мостовой.

— Сам я с ним никогда не сталкивался. Мой босс знал его в семидесятых. Мой босс курировал его через КГБ в Восточном Берлине. Тогда его взвали Раф. Раф Шакал.

Старлитц поскреб коротко стриженную тыквообразную голову:

— Я слышал о Карлосе Шакале.

— Нет, нет, — обиженно возразил Хохлов. — Карлос ушел на покой. Он в Хартуме. А этот — Раф. Совсем другой человек.

— Откуда он?

— Из Аргентины. Или из Италии. Он когда-то перевозил оружие между людьми Тупамаро и Красными бригадами. Мы думаем, что на деле он аргентинец, но родился в Италии.

— КГБ его завербовал, и ты даже не знаешь, кто он по национальности?

Хохлов нахмурился:

— Мы его не вербовали! КГБ не вербовал никого из семидесятников! Баадер-Майнхоф, палестинцы… Они всегда приходили прямо к нам! — Он с сожалением вздохнул. — Уизермены — как мне хотелось познакомиться с наркоманом-хиппи революционером из уизерменов! Но даже когда они собирались взрывать Банк Америка, янки и тогда отказались говорить с настоящими коммунистами!

— А старик, должно быть, уже в летах.

— Да что ты! Он совсем еще живчик и очень обаятелен. По-настоящему опасные люди всегда очаровашки. Это помогает им выжить.

— И я за выживание, — задумчиво произнес Старлитц.

— Тогда можешь взять у него несколько уроков обаяния, Леха. Во-первых, они тебе не помешают, а во-вторых, ты — наш связной.

* * *

Раф Шакал проделал путь через Балтику в опечатанном

«фиате». Это был желтый двухдверный автомобиль с датскими номерами. Его водителю, финке, было, наверно, лет двадцать. Крашеные черные волосы были переплетены длинными хвостами растрепанного зеленого шнура. Одета она была в красную блузку, обрезанные джинсы и полосатые хлопковые носки.

Старлитц забрался на сиденье слева, хлопнул дверью и улыбнулся. Девчонка вся вспотела от жары, страха и нервного напряжения. В ушах у нее красовалась батарея пирсинга. Татуированная волчья голова на ключице вынюхивала что-то в основании ее шеи.

Старлитц извернулся, поворачиваясь к заднему сиденью. Городской герилла вдавился в сиденье «фиата» — дремал, был под кайфом или, может, помер. Раф был облачен в хлопковый пиджак, просторные «ливайсы» и «рейн бэнсы». Кроссовки он снял и спал, подтянув на сиденье ноги в мятых горчично-желтых носках.

— Как наш старик? — спросил Старлитц, поправляя ремень безопасности.

— На паромах его укачивает. — Девчонка двинула по Эспланаде. — Мы отвезем его на явку. — Она бросила на него косой взгляд подведенных черным глаз. — Вы нашли надежную явку?

— Конечно, место должно подойти. — Его порадовало, что она настолько хорошо говорит по-английски. После четырех лет за стойкой бара в Роппонги сама мысль о том, что придется переключиться с японского на финский, приводила его в ужас. — Как вас называть?

— А как вам сказали меня называть?

— Никаких инструкций.

Костяшки девчонки на рулевом колесе побелели.

— Вас не проинформировали о моей роли в этой операции?

— С чего бы это?

— Раф теперь наш агент, — ответила девчонка. — Он не ваш агент. Наши операции совпадают — но только потому, что наши интересы совпадают. Раф принадлежит к моему Движению. Он не принадлежит никакой фракции русских.

Старлитц извернулся на сиденье и поглядел на спящего террориста. И позавидовал глубокому чувству умиротворенности этого человека. Из-за «рейн бэнсов» трудно было судить наверняка, но пятно пота на лбу придавало Рафу впечатление неподдельной расслабленности и уверенности в себе. Старлитц подумал над последним замечанием девчонки. Он понятия не имел, с чего это финка-студентка предъявляет претензии на пятидесятилетнего ветерана городской гериллы.

— Почему вы так говорите? — наконец спросил он. Обычно это был безопасный и полезный вопрос.

Девчонка глянула в зеркальце заднего вида. Они проезжали залитый солнцем парк с бронзовыми статуями развязных финских поэтов и угрюмых финских драматургов. За угол она повернула с визгом тормозов.

— Поскольку вам нужно имя, зовите меня Айно.

— Идет. Я Легги… или Леха… или Регги. — Его в последнее время то и дело звали «Регги». — Явка в Ипсаллане. Вы знаете этот район? — Старлитц вытащил из кармана рубашки ламинированную туристическую карту. — Поезжайте по Маннерхейнеминтиэ до железнодорожной станции.

— Вы не русский, — заключила Айно. — Нет.

— Вы из Организации?

— Я забыл, что следует сделать, чтобы официально вступить в русскую мафию, но по сути нет.

Легги нащупал рычаг под креслом и немного откинулся назад, стараясь не толкнуть спящего террориста.

— Вы уверены, что хотите это слышать?

— Конечно, хочу. Поскольку мы работаем вместе.

— О'кей. Пусть будет по-вашему. Дело обстоит так. Я в Токио работал на японскую женскую металлическую труппу. Девицы поднялись на самый верх и купили дискотеку в центре Роппонги. Я управлял заведением… Помимо того, что лабали музыку, эти металлистки имели еще одно дельце на стороне. Памятные вещи. Узко нацеленный рынок на тинейджеров. Фэнзины, цепочки для ключей, футболки, си-ди-ромы… Куча денег!

Айно остановилась на красный свет. Вымощенный брусчаткой переход заполнила масса потных, ослепленных солнцем пешеходов-финнов.

— Ладно, после того, как я раскрутил им рынок тинейджеров, я нашел еще одну золотую жилу. Смешные зверьки. «Фруфики». Последний писк в Японии. Тапки с фруфиками, карамельки-фруфики, содовая, рюкзаки, бэджи, коробки для ленча… Фруфики — что называется «кавай».

Айно тронулась с места. Они проехали бронзового финского генерала верхом на боевом коне. Этот генерал терпел при жизни поражение за поражением, но выглядел так, словно побеждать его еще раз возни больше, чем оно того стоит.

— Что такое «кавай»?

Старлитц поскреб щетину на подбородке.

— «Очаровашка» не совсем точно передает смысл. Может быть, «прелестный». Крутые деньги с такой прелести. Вся хохма в том, что фруфики происходят из Финляндии.

— Я финка. Но ни о чем под названием «фруфики» не знаю.

— Есть такие детские книжки. Их писала старая финская дама. За кухонным столом. Детские сказки с картинками, написаны в сороковых и пятидесятых годах. Разумеется, сегодня они были переведены на пленки, анимацию на кассеты «нинтендо», и все такое…

Айно подняла брови:

— Вы имеете в виду флюювинов? Маленьких синих зверушек с головами как подушки?

— А, выходит, вы их знаете?

— Моя мама читала мне «Флюювинов»! С чего вдруг японцам понадобились флюювины?

— Ну, соль заключается в следующем. Эта старая дама живет на уединенном острове. Посреди Балтийского моря. Чертова глухомань. Старушка так и не вышла замуж. Ни менеджера. Ни агента. И по всей видимости, ни цента не получает с этой японской раскрутки. Вероятно, давно уже впала в маразм. Так вот, план был таков: я лечу в Финляндию. На острова. Разыскиваю там ее. Заключаю сделку. Получаю ее подпись. А потом мы подаем в суд.

— Не понимаю.

— Она живет на Аландских островах. Эти острова критически важны для ваших людей, и для Организации тоже. Так как, видите тут общее совпадение интересов?

Айно встряхнула переплетенными зеленым косами.

— У нас серьезные политические и экономические интересы на Аландских островах. Флюювины — глупые книжки, для детей.

— Что такое «серьезный»? Я говорю о пластмассовых фигурках! Мультяшных стаканчиках для питья! Заглавных песнях в детских передачах. Когда нечто подобное выходит на свет, это крутой источник дохода. Заводы в Шенцене гудят день и ночь. Ящики товара в низовые магазины в пассажах. Вам известно, что «Изюм Калифорнии» стоит больше всего урожая калифорнийского изюма? Это достоверный факт!

Айно мрачно покосилась на него:

— Ненавижу изюм. Калифорнийцы используют рабский труд и пестициды. Изюм — просто гадкие дохлые виноградины.

— Я в порядке, но мы говорим о Японии, — настаивал на своем Старлитц. — На душу населения выше, чем «Марин Каунти»! Рубль теперь в унитазе, а иена-то — в небесах. Мы шантажом получаем отступного в иенах, отмываемого в рублях и всю статью доходов вчистую снимаем с баланса. Серьезнее только раковая опухоль.

— Я вам не верю. — Айно понизила голос: — Зачем вы

рассказываете мне столь ужасную ложь? Это очень глупое прикрытие для международного шпиона!

— Сами напросились, — пожал плечами Старлитц.

* * *

Они разыскали явочную квартиру в Ипсиллане. Это оказался двухквартирный дом. Вторую его половину занимала пара доверчивых финских яппи с распорядком дня трудоголиков. Старлитц предъявил ключи. Айно зашла, с параноидальным тщанием проверила все до одной комнаты и окна, потом вернулась к «фиату» и разбудила Рафа.

Пошатываясь, тот, только войдя в квартиру, побрел в ванную. Первым делом он смачно сблевал в унитаз, потом открыл душ. Айно внесла пару раздутых нейлоновых голубых спортивных сумок. Телефона в квартире не было, но люди Хохлова заботливо оставили на туалете в спальне мобильник с клонированным чипом.

Старлитц, который был уже на явке раньше, забрал из кухонного шкафа свой лэптоп. Это былая японская переносная машина с клавиатурой размером с клюшку для гольфа, сложной, путаной кутерьмой ASCII, канжи, катакана, хирагана и загадочными функциональными клавишами. В нем также имелся сотовый модем.

Старлитц вошел в Интернет через провайдера в Хельсинки и зашел на сайт группы металлисток в Токио. Ничего особого там не происходило. Сачихо снова появлялась на телевидении в желтых ток-шоу. Хуки занялась съемкой фильма. Ако заняла студию, готовя соло-альбом. Сайоко беременна. Снова.

Старлитц просмотрел почту и нашел новый спутниковый джипег-файл с информацией о застройке участков на территории Боснии. Босния начинала все больше интересовать Старлитца. Он там еще не был, но чувствовал, как соблазн перебраться туда все растет и растет. Японская тусовка почитай что выработана. Как только афера с земельными участками лопнула, токийские улицы лишились былого раздолья, а теперь еще высокая только что иена стремительно валилась вниз, догоняя валюты гейджин. Но все идет к тому, что Босния в середине девяностых пойдет на подъем. Не Босния сама по себе (если ты, конечно, не наемник или сумасшедший), но лежащие вокруг нее зоны безопасности, где начинали уже обосновываться торговцы наркотиками и оружием: Словения, Болгария, Македония, Албания.

Практически всякая организация, какая могла бы привлечь

внимание Старлитца, так или иначе была завязана на Боснию. ООН. США. НАТО. Европейский союз. Русская разведка, русская мафия (тут взаимное переплетение и взаимозависимость управления). Немцы. Турки. Греки. Ндрангеты. Камморцы. Израильтяне. Иранцы. Мусульманское братство. Огромная стая наемников. Здесь даже имелась сербская фолк-металл тусовка, где сербские девчонки, подхихикивая, из кожи вон лезли, на радость улюлюкающей аудитории военных преступников. Приятно смотреть, как раз за разом все усложняется ситуация в Югославии. Вполне подходящие для него угодья.

Из ванной появился Раф. Он успел побриться, а редеющие мокрые волосы завязал в хвост. Одет он был в джинсы, на талии террориста образовались уже жировые складки, но волосатые плечи оставались по-прежнему мускулистыми.

Раф расстегнул молнию одной из спортивных сумок, вытащил и натянул на себя мешковатую черную футболку.

Старлитц отключился от Интернета.

— Никогда драмамин не помогает. — Раф зевнул. — Извини.

— Нет проблем, Раф.

Раф оглядел квартиру. Зрачки его темных глаз съежились в две точки. — А девчонка где? Старлитц пожал плечами:

— Может, вышла приволочь еды из китайской закусочной.

Раф отыскал свои очки и пачку «галлуаз». Вполне возможно, что он был итальянец. Достоверно, если судить по акценту.

— Чехол автомобиля, — произнес Раф. — Поможешь?

Они притащили из багажника «фиата» в дом большой брезентовый сверток. Раф ловко развернул его и разложил содержимое свертка на прохладном линолеуме кухоньки.

Винтовки. Пистолеты. Амуниция. Гранаты. Пластилин. Запал. Детонатор. Старлитц поглядел на весь этот арсенал скептически. Экипировка выглядела устаревшей.

Раф споро собрал смазанный АК-47. Выглядел автомат так, словно несколько лет был прикопан в чьем-то саду, но прикопан человеком, знающим, как правильно закапывать оружие. Раф вставил на место изогнутый магазин и любовно похлопал по потускневшему деревянному прикладу.

— Видел когда-нибудь «пэнкор отбойный молоток»? — спросил Старлитц. Современный помповый боевой обрез, целиком и полностью пластмассовый, обманчиво безобидный дизайн.

Раф кивнул:

— Да, я хожу на шоу для профи. Но знаешь ли — с практической точки зрения, — надо показывать людям, что можешь их убить.

— Да? Зачем?

— Всем знаком классический силуэт АК-47. Покажи гражданским АК, — Раф умело угрожающе повел автоматом, — и они бросаются на пол. А приди вы с вашим современным пластиковым автообрезом, они решат, что это пылесос.

— В чем-то ты прав.

Раф поднял увешанный бомбами патронташ цвета хаки:

— Видишь эти лимонки? У подобных гранат убойная сила небольшая, да и радиус действия тоже, но они выглядят как настоящие гранаты. Как ты сказал тебя зовут, друг?

— Старлитц.

— Так вот, Старлетка, приходишь ты с этими лимонками у пояса в банк или в вестибюль отеля, и тебе даже в дело пускать их не придется. Потому что все знают, что такое лимонка. Разумеется, если надо взорвать гранату, никто и никогда эти дурацкие лимонки не взрывает. Тут понадобятся винтовочные BG-15 с реактивным зарядом.

Старлитц принялся разглядывать поцарапанные и засаленные винтовочные гранаты. Цилиндрические стволы со взрывчаткой весьма напоминали сварочное оборудование, единственным отличием на первый взгляд была карандашная военная надпись кириллицей.

— Эти вот ведь уже давно в употреблении?

— Баски на них молятся. Они просто колдовство творят против бронированных лимузинов.

— Баски. Я слышал, язык у них даже более странный, чем у финнов.

— У тебя ствол при себе, Старлетка?

— Не сейчас.

— Возьми себе какой поменьше, — расщедрился Раф. — Скажем, вот этот девятимиллиметровый «Макаров». Отличное оружие в рукопашной. Марочная чешская амуниция. Большая убойная сила.

— Может, потом, — отозвался Старлитц. — Я, возможно, позаимствую у тебя дольку пластилина. Если ты не против.

Раф улыбнулся:

— Зачем?

— С тех пор как Гавел позакрывал заводы, найти хороший «семтекс» непросто, — уныло ответил Старлитц. — Мне он, возможно, понадобиться, потому что… У меня есть личная проблемка с видеокамерами.

— Возьми сигарету, — сочувственно сказал Раф, встряхивая пачку. Вижу, тебе надо покурить.

— Спасибо. — Старлитц закурил «галлуаз». — Видеокамеры

теперь повсюду. В банках… в отелях… в универсамах… в кассах… в полицейских машинах… Господи, как же я ненавижу видео. Всегда его ненавидел. А теперь оно и впрямь действует мне на нервы.

— Всеохватывающее наблюдение, — отозвался Раф. — Всеобщий Спектакль.

Старлитц выдохнул дым и хмыкнул.

— Нам следует получше это обсудить, — пристально поглядел на него Раф. — Работа на Революцию требует серьезного теоретического обоснования. Тогда инстинктивное пролетарское недовольство может вылиться в последовательное революционное противодействие.

Он принялся распиливать запакованный брикет «семтекса» ножом для масла из кухонного ящика.

Старлитц разломал пластиковую взрывчатку на кусочки, которые затем распихал по обвисшим карманам.

Дверь открылась — это вернулась Айно. И не одна: ее спутником оказался высоченный и призрачно-бледный финн с огромной и похожей на ком сахарной ваты пурпурной шевелюрой. Одет он был в ковбойку с перламутровыми пуговицами и кожаные джинсы. Над верхней губой свисало большое золотое кольцо, вставленное в носовую перегородку.

— Кто это? — улыбнулся Раф, быстрым движением засовывая «Макаров» за пояс джинсов у себя за спиной.

— Это Ээро, — объяснила Айно. — Пишет программы. Для Движения.

Уставившись в пол, Ээро застенчиво пожал плечами.

— Есть полно хакеров покруче меня. — Глаза его внезапно расширились. Ух ты! Клевые пушки!

— Это наша явка, — сказал Раф.

Ээро кивнул и нервно потеребил кольцо кончиком языка.

— Ээро поспешил приехать, чтобы мы могли сразу же приступить к делу, объявила Айно. Она поглядела на блестящий от смазки арсенал с легким пренебрежением — так иногда смотрят на большой сервиз малопривлекательного свадебного фарфора. — Ну так и где деньги?

Старлитц переглянулся с Рафом.

— Думаю, Раф пытался сказать, — мягко пояснил Старлитц, — что обычно знакомых на явку не приводят. На явочных квартирах спят, отсиживаются и хранят оружие. Знакомых и связников встречают за городом или в общественных местах. Это принятые правила подпольных операций.

— Ээро в порядке! — оскорбленно ответила Айно. — Мы можем ему доверять. Ээро с моего курса по социологии.

— Я уверен, что Ээро в порядке, — безмятежно отозвался Раф.

— Он принес сотовый телефон, — сказал Старлитц, поглядев на футляр на кожаном ремне с металлическими заклепками на Ээро. — Полиция и спецагенты способны отслеживать передвижения людей по мобильным телефонам.

— Все в порядке, — галантно улыбнулся Раф. — Ээро твой друг, дорогая, так что мы ему доверяем. В следующий раз мы будем несколько осторожнее в методах. Идет? — Раф рассудительно развел руками. — Товарищ Ээро, поскольку ты здесь, возьми себе какую-нибудь малость. Возьми гранату.

— Можно? — переспросил Ээро с глуповато-застенчивой улыбкой. Он попытался — без особого успеха — запихнуть лимонку в карман узких кожаных джинсов.

— Где деньги? — повторила свой вопрос Айно. Раф мягко покачал головой:

— Я уверен, мистер Старлетка не столь беспечен, чтобы принести такую сумму наличными на первую нашу встречу.

— Наличные в тайнике. Это стандартный метод передачи. Тем самым, если вы под наблюдением, спецслужбы не могут выйти на ваших связников.

— Тактическое обучение в старом добром Университете Патриса Лумумбы, весело вставил Раф. — Ты выпускник, Старлетка?

— Не-а. Никогда не был любителем студенческой жизни. Но русская мафия по уши в питомцах Лумумбы.

— Я понимаю подобную тактику денежных переводов, — пробормотал Ээро, покачивая лимонку в костлявых пальцах. — Это как анонимный переадресовщик на Интернет-сайте. Снимает ответственность.

— Деньги в американских долларах? — спросила Айно. Раф поджал губы:

— Мы не принимаем так называемые доллары, происходящие из России, помнишь? Слишком много свежих чернил.

— Деньги в иенах, — сказал Старлитц. — Три миллиона двести тысяч в долларах.

— Двести тысяч? — просветлел лицом Раф.

— Когда заключали сделку, договаривались о трех, но с тех пор иена еще поднялась. Считайте, что это небольшой подарок от наших связников в Токио. Не отмывайте все в одном месте.

— Хорошие новости. — Айно с нежностью улыбнулась. Старлитц повернулся к Ээро:

— Достаточно, чтобы вы с друзьями могли обосноваться на Аландских островах с завязанными в сеть «санами»?

Ээро моргнул:

— Компьютеры доехали благополучно. Никаких проблем в Америке с ограничениями на вывоз компьютеров. Мы могли бы перевезти американские компьютеры прямо в Россию, если бы пожелали.

— Молодцы. Какие-нибудь проблемы с получением шифровок?

Свободной рукой Ээро покрутил пурпурный локон:

— Голландцы проявили полное понимание.

— Тогда как насчет снятия здания под банк на Аландах?

— Здание мы купили. Даже деньги еще остались. Это был консервный завод, Балтийское море протащили плавной сетью, поэтому… — Ээро пожал костлявыми плечами. — По соседству турецкий ресторанчик. Так что программисты питаются пловом и шашлыками. Финские программисты… мы все любим плов.

— Плов! — с энтузиазмом воскликнул Раф, сам — воплощенное веселье. Хорошего плова я не ел с самого Бейрута.

Старлитц прищурился:

— А как насчет персонала? Есть проблемы?

Ээро кивнул:

— Конечно, хотелось бы, чтоб на запуске было больше народу. Технический запуск всегда требует людей. И все же у нас достаточно финских хакеров, чтобы загрузить вашу банковскую систему и управлять ею. Мы по большей части все очень молодые, но если русские профессора математики могут входить из Ленинграда — простите, Петербурга, — то и у нас, думаю, больших проблем не будет. Русские математики, они все безработные — к несчастью для них. Но они отличные программисты, с прекрасными навыками. Единственная проблема с нашими юными хакерами из Финляндии… — Ээро рассеянно переложил гранату из руки в руку. — Ну, мы все так взволнованы первым настоящим отмыванием денег через Интернет. Мы очень старались не проговориться, никому не рассказывать о том, что делаем, но… Ну, мы очень гордимся своей работой.

— Скажи своим мышь-жокеям, чтоб еще немного помалкивали о своих достижениях, — сказал ему Старлитц.

— На деле уже слишком поздно, — кротко отозвался Ээро.

— Господи помилуй, и скольких, черт побери, знакомых твои финские ковбои посвятили в наши дела? — Старлитц нахмурился.

— Сколько человек читают alt-эхи? — вопросом на вопрос ответил Ээро. У меня нет данных, но есть alt-hack, alt-260, alt.smash.the.state, alt.fan.blacknet… Много.

— Ладно. — Старлитц провел рукой по голове. Как

большинство Интернет-провалов, ситуация была уже свершившимся фактом. — О'кей, такое развитие событий все круто меняет. Айно, ты была совершенно права, что привела его прямо сюда. К чертям требуемый протокол. Нам нужно запустить банк как можно скорее.

— Ничего плохого в паблисити нет, — внес свою лепту Раф. — Нам нужна паблисити, чтобы привлечь бизнесменов.

— Бизнесменов будет в достатке, — отозвался Старлитц. — Русская мафия уже держит крупнейшую отмывку денег со времен Второй мировой войны. Все, кто связан с оружием и наркотиками, обивают им пороги. Черная электронная наличность — существенный компонент возникающей глобальной системы. Дело в том, что у нас тут очень узкое окно. Если наша небольшая компания намерена что-то получить с этого расклада, нам надо быть готовыми со своей уже функционирующей скромной «онлайн прачечной» как раз в тот момент, когда она потребуется системе. И до того, как это сообразят все остальные.

— Паблисити жизненно важна! — настаивал Раф. — Паблисити наш кислород! С такой крупной заварухой, как эта, нам просто необходимо попасть во все заголовки. Лейла Халид всегда говорила: «Мир должен услышать наш голос».

Айно моргнула:

— Лейла Халид еще жива?

— Да здравствует Лейла! — воскликнул Раф. — Лейла Халид чудесная женщина. Она ведет социальную работу в Дамаске среди сирот Интифады. Скоро ее введут в правительство Палестины.

— Лейла Халид, — задумчиво повторила Айно. — Я так завидую ее историческому опыту. Есть что-то правдивое, физическое и здоровое в угоне самолетов.

Ээро, похоже, никак не мог найти в своем прикиде, куда запихать гранату. Наконец он грациозно опустил ее на кухонный стол и уставился на нее с мрачным уважением.

— Еще вопросы есть? — спросил Раф Старлитца.

— Сколько угодно, — отозвался тот. — Организация поставила прикормленных профессоров математики решать технические проблемы. Я полагаю, русские с математикой справятся — русские всегда в ней преуспевали. Но отмывание денег черного рынка онлайн — это операция по коммерческому обслуживанию клиентов. Обслуживание клиентов определенно не самая сильная сторона русских.

— Ну и?..

— Не можем мы торчать в ожидании, пока нам дадут добро путаники из Москвы. Чтобы наш план сработал, нам надо добить все поскорей и тут же вывести систему в онлайн. Нам нужны

скорые результаты.

— Тогда ты вышел на нужного человека, — деловито ответил Раф. — Я всегда специализировался на скорых результатах. — Он пожал Ээро руку. — Ты очень нам помог, Ээро. Приятно было с тобой познакомиться. Наслаждайся пребыванием на островах. Мы ждем дальнейших конструктивных контактов. Viva la revolution digitale![1] До свиданья и удачи.

— У вас еще нет для нас больших денег? — спросил Ээро.

— Ждать осталось недолго, — ответил ему Старлитц.

— Могу я получить денег на такси?

Старлитц дал ему стомарковую банкноту Жана Сибелиуса.

— Ух ты, — выдал Ээро с меланхоличной улыбкой. Убрав банкноту в карман ковбойки, он удалился.

Старлитц проводил хакера до двери и оглядел улицу, по которой засеменил прочь мертвецки бледный финн. Он даже не удивился, увидев двух телохранителей Хохлова, неумело прячущихся возле наемного белого «херца», припаркованного чуть дальше у обочины. Предположительно, они передавали сигналы от потайных подслушивающих устройств, какими русские наверняка в избытке напичкали явочную квартиру Рафа.

Ээро проплыл мимо русских мафиози с рассеянностью хакеровского эгоцентризма. Старлитц решил, что парнишка любопытный экземпляр. В Японии было полно крутых готов, но вампирские детишки в черном никогда не спаривались с популяцией японских хакеров. Однако здесь, в Финляндии, похоронного вида, с поставленными гелем прическами фанаты «Кьюр» встречались по всей палитре общества: среди автомехаников, обслуги гостиниц, развозчиков пиццы, правительственных клерков и прочих трудяг всех мастей.

Вернувшись, Старлитц обнаружил, что Раф разыскивает по кухонным шкафам кофе.

— Айно, давай рассмотрим политическую ситуацию. Айно послушно присела на кухонный табурет из березы.

— Аланды — цепь островов в Ботническом заливе между Финляндией и Швецией. Архипелаг включает в себя Аланд, Фегле, Кекар, Соттунгу, Кумлинге и Бренде.

— Ну да, ну да, о'кей, — хмыкнул Старлитц.

— Крупнейший город — Мариэхамм с населением десять тысяч жителей. Она помолчала. — Там и будет создан автономный цифровой банк.

— Пока все отлично.

— На Аландских островах проживает двадцать пять тысяч человек, в основном рыбаки и фермеры, но тридцать процентов населения заняты на обслуживании туризма. Они управляют

мелкими казино и магазинчиками дьюти-фри. Аландские острова пользуются популярностью как место поездок на выходной день с континентальной Европы.

Старлитц кивнул. Он видел окончательный список потенциальных стран-кандидатур на место русского офшорного банка. Аланды были из них самыми привлекательными.

Айно села прямее.

— Население — автохонное, язык — шведский. В 1920 году против собственной воли и против народного массового плебисцита острова передали Финляндии по соглашению, одобренному ныне не существующей Лигой Наций. На деле эти угнетенные люди — не финны и не шведы. Они аландцы.

— Национальное освобождение островов будет проходить по двум фронтам. — Раф ловко поставил кофейник на конфорку. — Во-первых, Фронт освобождения Аландских островов, который, по сути, моя операция. Второй фронт — люди Айно из университета, «Антиимпериалистические Ячейки Суоми», поставившие себе целью покончить с постыдной несправедливостью финского империализма. Внезапное начало вооруженной борьбы и кампания террора спровоцируют внутренний кризис в Финляндии. Самым простым и очевидным решением будет дать Аландским островам автономию. Поскольку до островов всего несколько часов морем из Петербурга, это развяжет руки Организации для ведения банковских операций.

— Ты деловой парень, Раф.

— Я слишком долго почивал на лаврах, — отозвался тот, тщательно споласкивая новенькие кофейные кружки. — У нас теперь обновленная Европа. Множество фантастических возможностей.

— Как скажешь. А эти деревенщины действительно хотят независимости? У них, кажется, и так все в порядке.

Раф, удивленный таким вопросом, улыбнулся.

— Еще много чего надо сделать для поднятия революционного самосознания на Аландах, — нахмурилась Айно. — Но мы из «Антиимпериалистических Ячеек Суоми» найдем ресурсы, чтобы проводить политическую работу. Победа будет за нами, поскольку финское либерально-фашистское государство не в силах будет обуздать плененный народ. А если оно все же пойдет на это, — она горько улыбнулась, — это только продемонстрирует шаткость нынешнего финского режима и его элементарную несостоятельность как европейского государства.

— Кто у нас есть на месте на Аландах, кто бы говорил на местном садистском варианте шведского? Так, на случай, если нам это потребуется, скажем, предъявить претензию по телефону

или еще что?

— У нас там есть три человека, — отозвался Раф. — Новый премьер, новый министр иностранных дел и, конечно, новый министр экономики, кто будет облегчать расчистку дороги для русских операций. Они — теневой кабинет Аландской республики.

— Три человека?

— Это ж полно людей! Там всего населения-то двадцать пять тысяч. Если наши прогнозы верны, то офшорный банк отмоет двадцать пять миллионов долларов за первые же полгода! Эти острова — всего лишь камешки. Это картошка с рыбой и казино для немцев. Местных в расчет можно не брать. Мафия и ее друзья могут скупить их на корню.

— Они важны, — вмешалась Айно. — Они важны для Движения.

— Ну разумеется.

— Аландцы заслуживают собственного государства. Если они его не заслуживают, то и мы, финны, не заслуживаем своего. Финнов всего только пять миллионов.

— Мы всегда пасуем перед политическим принципом, — снисходительно ответил на это Раф и протянул ей полную до краев кружку. — Пей свой кофе. Тебе надо идти на работу.

Айно удивленно поглядела на часы:

— Ах да.

— Порезать гашиш на порции по грамму? Или возьмешь с собой брикет?

Она моргнула.

— Тебе не обязательно его резать, Раффи. Его могут нарезать в баре.

Раф открыл одну из спортивных сумок и протянул ей толстый кирпич гашиша, аккуратно упакованного в копенгагенскую газету.

— Ты работаешь в баре? Хорошее прикрытие, — сказал Старлитц. — Что это за гаш?

— Кое-что совсем новое для Европы, — сказал Раф. — Азербайджанский.

— Гаш из бывшего Союза не слишком-то хорош, — шмыгнула носом Айно. Там не знают, как его правильно собирать и обрабатывать… Мне не нравится продавать гашиш. Но если ты продаешь людям наркотики, они тебя уважают. Не станут, к примеру, говорить о тебе, если явятся полицейские. Ненавижу полицию. Копы — фашисты и палачи. Стрелять их надо. Тебе машина нужна, Раф?

— Бери.

Прихватив сумочку, Айно покинула явочную квартиру.

— Интересная девушка, — во внезапной пустой тишине прокомментировал Старлитц. — Никогда прежде не слышал о финских террористических группировках. Немцы, французы, ирландцы, баски, хорваты, итальянцы — это да. Но о финнах впервые слышу.

— Они в своем захолустье несколько отстали от остальной Европы. Она из новой породы. Очень храбрая. Очень решительная. Быть террористкой непросто. — Раф осторожно подсластил свой кофе. — Женщинам никогда не воздают по заслугам. Женщины похищают министров, женщины взрывают поезда женщины вообще очень хороши в деле. Но никто не называет их «вооруженными революционерами». Они всегда — как там пишут в прессе? — «не адаптированные к обществу невротички». Или безобразные ожесточившиеся лесбиянки с эдиповым комплексом. Или симпатичные юные инженю, которых соблазнил и промыл им мозги не подходящий для них мужчина. — Он фыркнул.

— Почему ты так говоришь? — поинтересовался Старлитц.

— Я человек своего поколения. — Раф отхлебнул кофе. — Некогда я был не столь продвинут в феминистских настроениях. Это общение с Ульрикой так возвысило мое сознание. Я говорю об Ульрике Майнхоф. Удивительная девушка. Талантливая журналистка. Умница. Красноречивая. Не знающая жалости. К тому же красавица. Но Баадер и та вторая — как там ее звали? — они ужасно с ней обращались. Всегда кричали на нее на явке, называли бесхребетной интеллектуалкой, избалованным дитя буржуазии и так далее. Бог мой, разве все мы не избалованные дети буржуазии? Если б буржуазия не напортачила с нами, разве стали бы мы убивать буржуа?

Судя по звукам с улицы, подъехала машина. Мотор смолк, хлопнули дверцы.

Старлитц подошел к окну и выглянул в щель жалюзи.

— Это наши соседи-яппи. Похоже, они приехали раньше обычного.

— Надо пойти представится, — заявил Раф и принялся причесываться.

— Ох, да погоди чесаться — парень-то и впрямь живет по соседству, а вот девица нет. У него совсем другая женщина.

— Подружка? — заинтересовался Раф.

— Ну, во всяком случае, намного его моложе. В парике, тесные брючки и красные лодочки на высоком каблуке.

Открылась и хлопнула дверь соседней квартиры, потом заиграл стереомагнитофон — крутили жаркую кубинскую румбу.

— Золотой шанс. — Раф отставил кружку с недопитым кофе. — Давай представимся сейчас, назовемся новыми соседями. Он будет очень смущен. Никогда на нас даже не взглянет. Не станет задавать никаких вопросов. А также будет держать подальше от нас свою супругу.

— Хорошая тактика.

— Вот именно. Предоставь говорить мне. — Раф направился к двери.

— У тебя все еще «Макаров» за поясом, приятель.

— Ах да. Извини. — Раф швырнул пистолет на лоснящуюся финскую кушетку.

Раф толкнул было дверь на улицу, но тут же ловко отступил внутрь квартиры и вновь захлопнул дверь.

— На улице белая наемная машина.

— Ну и?..

— Внутри двое.

— И?..

— Кто-то только что их пристрелил.

Старлитц бросился к окну. На тротуаре сгрудилось человек шесть. Двое из них только что убили телохранителей Хохлова, внезапно выпустив через поднятые стекла обоймы из пистолетов с глушителями.

Четверо направлялись через улицу к их дому. Одеты они были в джинсы, кроссовки и, несмотря на жару, блейзеры от Джорджио Армани. Двое держали изящные маленькие видеокамеры. И все были при пушках.

— Сионисты, — объявил Раф.

Деловито, но без спешки он вернулся к арсеналу на полу кухоньки, забросил на плечо «Калашников», подтянул поближе вторую штурмовую винтовку и стал на колени позади стены кухоньки, что дало ему свободную линию обстрела входной двери.

Старлитц быстро взвесил различные возможности — и решил остаться наблюдать у окна.

С решимостью столь же стремительной, сколь и смертельной, группа уничтожения промаршировала к соседней квартире. Под ударами ног слетела с петель дверь. Послышались краткие вопли удивления и приглушенное бормотание очередей. Очередь из «узи» прошила общую стену между квартирами, так что пули засели в полу гостиной явки.

Раф поднялся на ноги, пухлое его личико было воплощением ликования. Он поднес палец к губам.

Протопали вверх-вниз по лестницам соседней квартиры быстрые шаги. Хлопанье дверей, визг открываемых ящиков.

Звяканье телефона, сброшенного с прикроватной тумбочки. Три минуты спустя группа уничтожения покинула квартиру.

Раф поспешно подбежал к окну и скорчился под подоконником. Из своей спортивной сумки он выхватил маленький «никон» и отщелкал целую пленку снимков, чтобы запечатлеть отход группы.

— Такое искушение их перестрелять, — сказал он, поддергивая ремень штурмовой винтовки, — но так даже лучше. Это очень смешно.

— Это ведь был Моссад, так?

— Ага. Они приняли соседа за меня.

— У них, наверное, было описание тебя и девушки. И они знают, что ты в Финляндии, приятель. Не слишком хорошие новости.

— Давай позвоним, сдадим их. Полиция Хельсинки их, возможно, зацапает. Просто чудесно получится. Где сотовый?

— Послушай, нам только что невероятно повезло. Нам лучше уходить.

— Мне всегда везет. У нас полно времени. — Раф со вздохом оглядел свой арсенал. — Жаль оставлять эти стволы, но у нас нет машины, чтобы их везти. Давай перед уходом перенесем все в соседнюю квартиру! Это даст нам хорошие отзывы в прессе.

* * *

Старлитц встретился с Хохловым в два утра. Полночное солнце оставило обреченные на провал попытки закатиться и теперь вновь поднималось во всем сверкающем великолепии. Старлитц с Хохловым шагали по призрачно опустелым улицам Хельсинки, неподалеку от «Арктики», где Хохлов снимал роскошный люкс.

Как и большинство европейских столиц, Хельсинки был совсем молодой город. Большая его часть отстраивалась с начала века, и множество кварталов сровняли с землей русские бомбардировки в сороковых. Тем не менее, улицы у набережной походили на подмостки для Крысолова из Гамельна — сплошь медные фронтоны крыш, освинцованное стекло и затейливые башенки.

— Мне не хватает мальчиков, — ворчал Хохлов. — Зачем им понадобилось убирать моих мальчиков? Сволочи пустоголовые.

— В Израиле сейчас полно русских евреев. Русская мафия там очень в моде. Может, это нам дают понять, что о нас знают.

— Нет. Они просто разучились делать свое дело. Решили, что

мои мальчики охраняют Рафа. Решили, что этот несчастный жирный финн и есть Раф. Раф заставляет их нервничать. Он у них в списке на уничтожение с самой Мюнхенской олимпиады.

— Как они узнали, что Раф здесь?

— Через хакеров в банке. Те слишком много болтают. Трое наших вкладчиков — крупные израильские торговцы оружием.

Хохлов устал. Он всю ночь провел на телефоне, объясняя, что и как произошло, встревоженной клике бывших чекистов, а ныне миллионеров в Петербурге.

— Поскольку все вышло наружу, нам нужно запускать банк немедля, ас.

— А то я не знаю. — Вынув из стальной коробочки розовую таблетку, Хохлов проглотил ее на ходу. — Верхние эшелоны Организации просто без ума от идеи черной электронной наличности, но они старомодны и склонны к скептицизму. Они говорят, им нужны скорые результаты, а сами при этом ставят мне палки в колеса при финансировании.

— А я и не думал никогда, что номенклатура за нас постоит, — отозвался Старлитц. — Это ж все, как один, бюрократы из бывшего КГБ, движутся как улитки. Если японское дельце сработает, капитал у нас будет, не беспокойся. Ты сказал, они ждут результатов? Каких именно результатов?

— Нашего золотого мальчика ты уже видел. Что ты о нем думаешь? Только откровенно.

— Думаю, без него нам было бы лучше. — Старлитц тщательно взвешивал слова. — Для такой гастроли он нам не нужен. Для этого он излишне квалифицирован.

— А ведь он крут, правда? Настоящий профи. И всегда удачлив. Удача в нашем деле лучше, чем умение.

— Послушай, Булат Романович. Мы с тобой давно знакомы, и говорить я буду начистоту. Этот парень не подходит для такой работы. Отмывание налички на Аландах — деловое предприятие, мы пытаемся пробиться в структуру международных потоков наличности. Это — инфобан. Сейчас девяностые годы. Это — выше границ. Запуск такого банка — дело рискованное, ну и что с того? Все, что связано с инфобаном, связано с риском. Это глобальное предприятие, здесь порядок. А вот этот мужик далеко не глобальный бизнесмен. Ты когда-то оплачивал его и снабжал оружием. Уверен, он тогда походил на какого-нибудь поэта-революционера из хиппи а-ля Че Гевара, восставшего против капиталистического общества. Но этот парень нам не в плюс.

— Ты думаешь, он не в себе? Психопат? В этом все дело?

— Послушай, все это только слова. Он не сумасшедший. Он то, что он есть. Он шакал. Он питается мертвечиной, оставленной

более крупными хищниками и агентами спецслужб, иногда он убивает кроликов. Обычных людей он держит за овец. Он помешался на обществе потребления. С него станется взорвать наших потенциальных клиентов и посмеяться над этим. Этот мужик нигилист.

С полквартала Хохлов шел в молчании, сгорбив плечи, обтянутые льняным пиджаком.

— А знаешь что? — внезапно сказал он. — Мир совершенно сошел с ума. Я раньше летал на «МиГах» Советского Союза. Я сбросил сотни бомб на мусульман, а за это получал медали. Платили нормально. Я уже восемь лет не совершал боевых вылетов. Но как же я любил ту свою жизнь! Она мне подходила, правда подходила. Мне ее что ни день не хватает.

Старлитц промолчал.

— Теперь мы называем себя Россия. Как будто нам это поможет. Мы не можем себя прокормить. Не можем обеспечить себя жильем. Не можем даже вывести ораву паршивых чеченцев. В точности так же, как с этими чертовыми финнами! Мы восемьдесят лет ими владели. А потом финны обнаглели. Так что мы ввели танки, и эти сукины дети разбежались в темноте по своим лесам и сугробам и оттуда надрали нам задницы! Даже после того, как мы наконец раздавили их и отобрали у них лучшую часть страны, они просто дали нам сдачи! А теперь, прошло всего пятьдесят лет, и Российская Федерация должна Финляндии миллиард долларов. Финнов-то всего-навсего пять миллионов! Моя страна должна каждому финну по двести долларов!

— Таков марксизм, ас. Они еще помолчали.

— Мы покончили с марксизмом, — сказал Хохлов, оживая понемногу под действием таблетки. — Сейчас все по-другому. На сей раз русское безумие настолько велико и злобно, чтобы захватить весь мир. Основательная, всеобъемлющая, учрежденческая коррупция. Сверху донизу. Никаких сдерживающих факторов. Новая разновидность абсолютной коррупции, которая готова продать все что угодно: тела наших женщин, будущее наших детей. Все, что хранится в наших музеях и в наших церквах. Все пойдет за деньги: золото, нефть, оружие, наркотики, ядерные боеголовки. Мы продадим почву, и леса, и русское небо. Мы продадим наши души и души наших соседей.

Они миновали причудливый разноцветный фасад финско-мексиканского ресторана.

— Послушай, ас, — сказал наконец Старлитц. — Если все дело в русской душе, то этот парень не поможет вам снова подняться. Большой ошибкой было вытаскивать его на свет божий

из нафталина. Тебе следовало бы оставить его дремать в каком-нибудь баре в Багдаде под звуки Би Джи с виниловой пластинки. Не знаю, что ты теперь будешь с ним делать. Можешь попытаться подкупить его каким-нибудь крупным выкупом за похищение и надеяться, что он напьется так, что не сможет передвигаться. Но не думаю, что он ради тебя на такое пойдет. Подкуп только льстит его самолюбию.

— Ладно, — отозвался Хохлов. — Согласен. Он слишком опасен, и за ним тянется слишком большой хвост прошлых дел. После переворота мы его убьем. Хотя бы этот долг я должен вернуть Илье и Льву.

— Похвальное чувство, но теперь для чувств уже поздновато, ас. Тебе следовало бы покончить с ним, когда мы знали, где он остановился.

Издалека докатился глухой тяжелый хлопок. Русский склонил голову набок:

— Это что, минометный огонь?

— Может, бомба в автомобиле?

В голубой и светлой дали начал подниматься грязный дым.

* * *

Раф утверждал, что провалившаяся операция израильтян — двенадцатое покушение на его жизнь. Это, возможно, несколько приукрашивало правду. И это был всего лишь второй раз, когда группа уничтожения Моссада застрелила не того человека в нейтральной Скандинавской стране.

Русские не спешили безвозвратно связывать себя с проектом. Семьдесят лет тоталитарного режима развили у них колоссальную склонность к проволочкам, демагогии и надувательству. Раф же, напротив, упивался тем, что мог предоставить скорые результаты.

Если уж на то пошло, его кампания по освобождению Аландских островов натолкнулась на ряд тактических препятствий. Потеря первой явки стоила ему большей части любимых своих стволов. Группа Моссада избежала ареста сбитой с толку финской полицией. Взрыв машины у офиса «Финн Эйр» стоил Рафу желтого «фиата».

«Антиимпериалистические Ячейки Суоми» превзошли самих себя в расписывании стен радикалистскими политическими граффити, но их самодельные бензиновые бомбы, взорванные у полицейского участка в Йивэскилэ, нанесли лишь незначительный урон зданию. Редактор проправительственной

хельсинкской газеты пережил выстрел в коленную чашечку и, вероятно, скоро вновь станет на ноги.

Тем не менее инициатива ветерана и его боевой задор произвели на петербургских спонсоров Рафа из бывшего КГБ немалое впечатление. Они перевели еще часть денег.

С пополненной присланными мафией евро-иенами казной Раф развернулся вовсю. Он выписал шесть наемников-янки из малоизвестной, но склонной к крайнему насилию подпольной группе американских правых анархистов. Благодаря снисходительным проверкам на европейских границах и крайней занятости американских табачных инспекторов-ниндзя, эти торговцы оружием внаглую привезли Рафу самые последние сливки из смертоносного арсенала НАТО.

Под началом Рафа были также десять русских головорезов. Это были закаленные в боях наемники, представители крупного контингента в тридцать тысяч профессионалов из бывших военных, охранявших русских банкиров. Русских банкиров, не вошедших в мафию, как голубей, отстреливали дельцы черного рынка. Русские банкиры, вошедшие в мафию, убивали друг друга, А телохранители этих банкиров просто наслаждались ремеслом подрывников. Будучи телохранителями, они, разумеется, были непревзойденными убийцами.

Эти опасные шайки вооруженных иноземных агитаторов были бы почти бесполезны в Финляндии, не прикрывай их местные жители. Раф бросил на этот фронт «Антиимпериалистические Ячейки Суоми». Движение «Антиимпериалистические Ячейки Суоми» состояло из сплоченного ядра пятерых студентов и нестойкой группы юных сочувствующих, которые под давлением готовы будут, вероятно, предоставить помощь и убежище. Имелся у «Ячеек» и идеологический гуру, радикальный финский националист, профессор и поэт, который на деле понятия не имел, что породило его учение в среде постмодернистской молодежи его народа.

В общем и целом у Рафа оказалось около двадцати человек, готовых по его указанию пустить в ход стволы и бомбы. Человеку непосвященному это могло бы показаться не особенно внушительной силой. Однако по общепринятым стандартам европейского терроризма дела Рафа шли великолепно. Националистические движения, такие как ЭТА, ИРА и ООП, разумеется, были несколько больше — благодаря обширной общей массе озлобленных и угнетенных, но Шакал Раф был существом иной породы: истинный международный революционер, свободный художник с десятком паспортов. Его Фронт освобождения Аландских островов был большим. Он был

больше немецкой группы Баадер-Майнхоф. Он был больше французской «Аксьон Директ». Он был почти так же многочислен, как японская Красная Армия, но мог похвастаться значительно лучшим финансированием. Группа такого масштаба способна изменить историю. Гораздо меньших размеров заговор умертвил Абрахама Линкольна.

* * *

Старлитц слушал международное «Радио Финляндия» на короткой волне. Трудно было найти приличное освещение на английском развернутой АИЯС кампании террора. Несмотря на беззаветную службу в контингенте синих шлемов ООН, у нейтральной Финляндии мало было друзей за рубежом. Внутренние неурядицы в нейтральной стране не вызывают особого интереса по всему миру.

Ситуация, вероятно, теперь измениться, поскольку Раф привлек специалистов извне. Раф читал своему новому пополнению из Америки пространную лекцию по теории и практике взрывания ацетилетовых бомб.

При посредничестве группы студентов-активистов Айно сняла центр прикладного искусства, существующий на дотации от государства. Стены убежища террористов были увешаны фантастическими мохнатыми коврами, увесистыми ручными пилами, полками с мылом на сосновой смоле и жутковатым финским стеклом.

Айно уже выслушала свое о самодельных подрывных зарядах, и потому ее поставили часовой. Она сидела у окна второго этажа, выходившего на подъездную дорожку, балансируя на коленях чудовищное финское ружье для охоты на лося. Девушка просматривала стопку англоязычных книг о флюювинах, какие Старлитц закупил в книжном магазине в Хельсинки. Хельсинки мог похвастаться книжными магазинами площадью в половину авиационного ангара. С книгами в этой стране обычно коротали долгие темные ночи.

— Сколько она их написала? — спросила Айно.

— Двадцать пять. Лучше всего продаются «Фруфики отправляются в плаванье» и «Фруфи-папа и Грибные тигры».

— По-английски они кажутся еще более странными. Странно, что она так печется об этих маленьких синих существах. Она так за них душой болеет, а ведь их и на свете-то не существует. — Айно перелистнула несколько страниц. — Смотри, здесь флюювины проходят через огненные туманы на высоких ходулях.

Хорошая картинка. Погляди! А вот еще и пещерный житель, который ходит с губной гармошкой и все время жалуется. — Это, наверное, Неркулен Спеффи.

— Неркулен Спеффи. — Айно нахмурилась. — Это не настоящее финское имя. И не шведское. И даже на Аландских островах так не говорят.

Старлитц выключил радио, которое подробно перечисляло продукты сельского хозяйства Финляндии.

— Она выдумала Спеффи, вот и все. Неркулен Спеффи просто родился в ее седой головке. Но товары с изображением Неркулена Спеффи продаются в Хоккайдо вдвое быстрее.

Айно прошуршала страницами книги.

— И я могла бы написать такую книгу. Она ее написала полвека назад. Когда она ее писала и рисовала к ней картинки, лет ей было столько же, сколько мне сейчас. Я сама такое смогла бы.

— Почему ты так говоришь?

Айно подняла голову:

— Потому, что я могла бы, я знаю, что могла бы. Я умею рисовать. И я всегда рассказываю всякие байки выпивохам в баре. Однажды я нарисовала плакат для рок-группы.

— Молодчина. Как насчет того, чтобы поехать вместе со мной и обняться со старой дамой? Мне нужен переводчик с финского, а если он будет еще и бывший фэн фруфиков, так совсем хорошо. Кроме того, она могла бы дать тебе пару дельных советов в отношении детской литературы.

Айно поглядела на него удивленно.

— Что вы такое говорите? — Она нахмурилась. — Я солдат революции. Вам следует уважать мои политические убеждения. Вы не говорили бы так со мной, если б я была двадцатилетним парнем.

— Будь ты двадцатилетним парнем, ты бы, черт побери, оплевала Неркулена Спеффи.

— Нет, не оплевала бы.

— Оплевала б, оплевала. Эти юнцы солдаты — дешевка. Они ж, черт побери, товар широкого потребления. Кому они нужны? Но молодая поклонница фруфиков может быть очень ценным козырем в рискованных переговорах по заключению контракта.

— Вы все еще мне лжете. Хватит лгать. Меня вам не одурачить.

— Послушай, — вздохнул Старлитц, — это правда. Попытайся во всем разобраться. Ты думаешь, что Аландские острова очень важны, так? Настолько важны, чтобы ради них взрывать поезда? Так вот, Неркулен Спеффи — самое важное, что

когда-либо вышло с Аландских островов. Фруфики — единственный продукт Аландов, такой нигде больше не достать. Двадцать пять тысяч рыбаков в Балтийском море потрясающе потрудились, чтобы произвести на свет мировой хит вроде Неркулена Спеффи. Будь Аланды Ямайкой, он стал бы Бобом Марли.

В комнату вошел один из новых рекрутов Рафа — при бороде и накачанной мускулатуре, — лет, наверное, тридцати. На нем была футболка с флагом конфедератов, а в набедренной кобуре поблескивал автоматический кольт.

— Эй, — прогнусавил он, — вы по-английски говорите?

— Ага, — помычал в ответ Старлитц.

— Где нужник? — Старлитц указал.

Американец двинулся было в указанном направлении, но остановился:

— Слушай, беби, дамское у тебя ружьишко. Только скажи, и я дам тебе что посерьезнее.

Айно промолчала, только крепче сжала полированный приклад орехового дерева.

Американец ухмыльнулся Старлитцу:

— Что, по-английски не говорит, а? Выходит, она русская? Я слышал, в этой операции у нас полно русских девок. Надо же. Чего только не делает доллар в наши дни. — Он потер руки.

— Поссе Комитатус? — рискнул предположить Старлитц.

— Ну уж нет. Мы не ополчение… Эти ополченцы, они все аж вспотели от страха перед черными вертолетами ООН и Новым Мировым Порядком… Что за чушь! Мы-то знаем, что такое Новый Мировой Порядок. У нас есть связи. Мы уж окажемся в кабинах этих чертовых черных вертолетов. Плечом к плечу с Иванами на сей раз!

* * *

В Финляндии самая дорогая выпивка в мире. Это установка социал-демократии Финляндии, неотъемлемая часть самой низкой в мире детской смертности. Тем не менее, финны поистине поразительные дебоширы. Крохотный бар «Касармикату» был до отказа забит финнами, методично переходящими от скромной погруженности в себя к ничем не остановимой, с биением в грудь браваде. Над батареей блестящих бутылок водки и коскенкорвы лаял телевизор, передавая новости Балтийского региона. Очередной парламентский кризис в Москве. Разъяренный русский депутат в синем виниловом пиджаке и

футболке с эмблемой «Мегадеф» бил кулаком по кафедре.

Японский финансист отставил стакан с яблочным соком и поправил солнечные очки:

— Святой Учитель не одобряет опьянения. Алкоголь затуманивает разум и перекрывает ток ки.

— Поверить не могу, нам попался японец, который отказывается выпить по заключении сделки, — пожаловался по-русски Хохлов.

Японский денежный мешок по-русски не говорил и русской речи не понимал. Все трое прикорнули в самом темном углу хельсинкского бара.

— У нашего главного вкладчика, — сказал по-русски Старлитц, серьезный приступ увлечения Дальневосточным Нью-эйджем. Эти приверженцы Высшей правды совершенно спятили. При этом они богаче Креза.

Старлитц молча поднял в честь денежного мешка рюмку финской водки на клюкве. Он убедил их вкладчика, что эта сокрушительная настойка просто клюквенный сок. Старлитц перешел на беглый уличный японский:

— Хохлов-сан говорит мне, что весьма восхищается вашей электрической камилавкой. Он сам хочет попробовать носить такую. Он ищет пользы для здоровья и усиления душевного мира.

— Сааааа… — парировал господин Иноуэ, похлопав себя по пластифицированной макушке бритой головы. — Электростабилизаторы нервной системы Святого Учителя. Вскоре они пойдут в массовое производство в нашем оплоте на Фуджи.

— У вас ведь есть детские версии этого прибора? — спросил Старлитц.

— Разумеется, у Святого Учителя много детей.

— Ну и вы когда-нибудь задумывались, скажем, о массовой коммерческой версии этих штучек? Скажем, с лицензированным персонажем из мультфильма?

Господин Иноуэ моргнул:

— Мне дали понять, что партнеры господина Хохлова могут поставить нам военные вертолеты?

— Этот сукин сын снова завел волынку о вертолетах, — объяснил по-русски Старлитц.

Хохлов хмыкнул:

— Скажи ему, есть скидка на боевые танки Т-72. Двести миллионов иен каждый. Но только для него. Без перепродажи.

После долгих переговоров с мистером Иноуэ Старлитц по-русски сказал:

— Его танки не интересуют. Он хочет минимум шесть «МиГ-17» с распылителями отравляющих газов. А также

нескольких ветеранов из разведчиков спецназа, чтобы те тренировали отряд дзюдоистов-коммандос их культа на священном острове Исигакидзима.

— Ветеранов спецназа? Идет. Их у нас полно. Скажи ему, ему придется сделать им визы и выложить солидные денежки. Эти черные береты не какие-нибудь средние головорезы.

Старлитц снова посовещался.

— Он хочет знать, известно ли тебе что-нибудь о методе лазерной абляции при обогащении урана.

— Нет. И я сыт по горло этим вопросом.

— Он хочет знать, заинтересует ли тебя, если он скажет, что такое проделывают в «Мицубиси Хеви Индастриз».

— Скажи ему, я ценю наводку на шпионаж в атомной промышленности, застонал Хохлов, — но эта ерунда вышла из моды вместе с Клаусом Фуксом и Розенбергами.

Старлитц вздохнул:

— Давай дадим Иноуэ-сан сохранить лицо, Булат Романович. Святой Учитель предсказывает на 1997-й конец света. Если подыграем чокнутым мифам культа об апокалипсисе, сможем держать у себя их вклады до самой зимы девяносто шестого.

— Зачем нам вообще этот псих с пластмассовой головой? — вспылил Хохлов. — Он бесчестный эксплуататор доверчивых масс. Он заправляет компаниями-пустышками в России и через них вербует русских простофиль в свой нелепый культ. Мы нужны ему больше, чем он нам. Он далеко от дома. Надави на него.

— Послушай, ас. Нам нужны вклады культа, потому что нам нужно, чтобы разница между курсами иены и прочей валюты покрывала поток черного капитала. Кроме того, я в этом деле отвечаю за связь с Токио! Согласен, на территории России мафия может переломать ему ноги, но дома в Японии его дружки строят огромные бункеры из нержавейки, полные гигантских микроволновок.

— Знаешь ли, и моей доверчивости есть предел, — раздраженно отозвался Хохлов. — Пивоварни ботулизма? Заводы по производству нервно-паралитического газа? Сотни облапошенных нью-эйдж роботов паяют компьютерные чипы для полуслепого учителя-преступника в белой пижаме? Это полный абсурд, такому место в фильмах о Джеймсе Бонде. Пожалуйста, сообщи этому клоуну, что он имеет дело с профессионалами из реальной жизни.

Старлитц поманил к себе официанта:

— Счет, пожалуйста.

— Вот, прошу вас, — сказала Айно. — Желаю вам и вашим иностранным друзьям приятного отдыха в гостеприимном

Хельсинки.

* * *

После взрыва дискотеки в Хельсинки Раф перенес свои операции на сами Аландские острова. Усердные юнцы из АИЯС нашли ему еще одно логово уединенную усадьбу с сауной в густых лесах на острове Кекар. Этот роскошный курорт принадлежал шведской оружейной корпорации, которая некогда принимала там представителей министерства обороны различных стран третьего мира. Простота поездок на Аланды на выходные обеспечивала секретность и позволяла избежать потенциального политического конфуза на шведской территории. Эта шведская компания переживала тяжелые времена вследствие массивных русских продаж вооружения по заниженным ценам. Они были более чем счастливы сдать свой курорт обеспеченной и формально зарегистрированной компании Хохлова.

— Не можем же мы все быть аскетами-ленинцами, — весело объявил Раф. Можно быть революционером и в приличных ботинках.

— Приличные ботинки — это сейчас многое в России значит, — согласился Старлитц.

Раф откинулся на спинку лакированного ротангового кресла. Центральный офис курорта с его витражными окнами и маниакально глянцевой мебелью от Альвара Аалто, казалось, вполне его устраивал.

— Мы достигли деликатной стадии революционного процесса, — сказал Раф, скрещивая под головой руки. — Нам нужна интеграция двойной ударной силы в единый фронт освобождения.

— Ты хочешь сказать, познакомить янки с русскими ребятами?

— Да. И что может быть для этого лучшей нейтральной территорией, чем традиционная финская сауна? — Раф улыбнулся. — Попаримся, мужики! Скрывать нечего! Никакой одежды. Никаких пушек! Сплошь свежий чистый пар. Полно выпивки. А поскольку мальчики тренировались до упаду, я приготовил им отличный сюрприз.

— Женщины.

Раф хмыкнул:

— Они ведь солдаты, знаешь ли. — Подавшись вперед, он оперся о стол. Ты осматривал этот курорт? Нельзя обманывать определенные ожидания.

Старлитц осматривал и саму сауну, и прилегающие помещения, и территорию вокруг. Шлюх кругом было больше, чем бронебойных снарядов в корпорации «Бофорс». Участок был частный и очень дорогой. Перевороты успешно зачинали и в менее вероятных местах.

Старлитц кивнул:

— Смысл понятен. Знаешь, у меня сегодня деловая встреча со старой дамой. Ты нарочно все так организовал, чтобы я пропустил веселье.

Раф помедлил, задумавшись:

— Ты ведь не сердишься на меня, правда, Старлитц?

— Почему ты спрашиваешь, Раф?

— К чему на меня сердиться? Я даю тебе на время Айно. Разве тебе этого мало? Я не обязан был давать тебе переводчика для твоих афер, Я доверяю тебе, ты окажешься совсем один в маленькой лодке с моим любимым лейтенантом. Тебе следует благодарить меня. Старлитц уставился на него во все глаза.

— Да уж, ты слишком добр ко мне.

— Присмотри за Айно. Моему шакальчику в последнее время приходилось нелегко. Я знаю, ты по-доброму к ней относишься. Поскольку приложил столько трудов, чтобы поговорить с ней у меня за спиной.

— Нет, давай сегодня я оставлю ее с тобой, — предложил Старлитц. Посмотрим, что сделают твои двадцать голых пьяных мужиков с тяжеловооруженной студенткой с факультета поэзии.

Раф вздохнул с наигранным поражением:

— Старлитц, ты не умеешь врать с той же легкостью, как делают это по-настоящему жадные люди.

— Спасибо, что ты это заметил, приятель.

— Конечно, я хочу, чтобы ты на время увез отсюда Айно. Она молода и может неверно все истолковать. Поговорим откровенно. Эти люди, которых я нам купил… это грубые мужики, которые убивают и умирают за плату. Им надо давать награду и наказания такие, какие им понятны. Они — шлюхи со стволами.

— Я всегда счастливее всего, когда знаю самое худшее, Раф. Худшего ты мне пока не сказал.

— С чего это я должен исповедоваться тебе? Ты мне секретов не доверяешь. — Раф толкнул через стол пепельницу. — Выкури сигарету.

Старлитц взял «галлуаз».

Эффектным жестом Раф дал ему прикурить, потом закурил сам.

— Ты много говоришь, Старлитц, — сказал он. — Ты хорошо торгуешься, заключаешь удачные сделки. Но о себе ты не

говоришь никогда. Все, что я о тебе узнал, я выяснил через других людей. — Раф кашлянул. — К примеру, я знаю, что у тебя есть дочь. Дочь, которой ты никогда не видел. — Ну да, конечно.

— Я видел твою дочь. У меня есть фотографии. Она на тебя не похожа. Она привлекательная и симпатичная.

— У тебя есть снимки, приятель? — Старлитц выпрямился в кресле. Видео?

— Да, у меня есть фотографии. У меня есть даже больше. У меня есть контакты в Америке, люди, которые знают, где живет твоя дочь. Она живет у тех странных женщин на Западном побережье…

— Ну да, признаю, они довольно странные, но, видишь ли, постатомная семья, и все такое, — выдавил, помолчав, Старлитц.

— Тебе бы хотелось познакомиться с дочерью? Я мог бы выкрасть ее и доставить к тебе сюда, на Аланды. Это проще простого.

— Соглашение не так уж и плохо, пока остается в силе. Мне позволяют посылать ей детские книжки…

Раф закинул на стол ноги в носках.

— Может, тебе надо осесть, Старлитц. Когда мужчина вступает в определенный возраст, ему приходится жить той жизнью, какую он себе выбрал. Возьмем, к примеру, меня. В основе своей я человек семейный.

— Ух ты.

— Вот именно. Я уже двадцать лет как женат. Моя жена во французской тюрьме. Ее схватили в семьдесят восьмом.

— Долгий срок.

— У меня двое детей. Один от моей жены, другой от девушки из Бейрута. Люди думают, что у Рафа Шакала не может быть семейной жизни. Они не считаются с моими мечтами. Ты знаешь, что я занимался журналистикой? Я даже стихи писал. Стихи на итальянском и на арабском.

— Ну надо же.

— Вот-вот. Скажу больше, поскольку это между нами и нет никаких русских на курорте, кто установил бы всякие надоедливые жучки… Интуиция мне подсказывает, что ты хороший человек, Старлитц. Мы с тобой оба постмодернистские мужчины мира сего. Мы видели, как разваливается на части империя. Это, знаешь ли, не имеет никакого отношения к старому глупому Карлу Марксу.

— Может, и так, приятель.

— Мы видели девяностые за работой. Развал — это заразно. Теперь он повсюду. Он вышел из-под контроля, как СПИД. Ты когда-нибудь встречал ливанского военачальника, который стал

бы местным диктатором? Джамблатта, может быть? Берри? Отличные ребята. Мужи — как львы.

— Никогда знаком не был.

— Это прекрасная жизнь — стать диктатором. Вот что случается с террористами, когда они взрослеют.

Старлитц кивнул. Опасно, очень опасно, что Раф так озабочен его добрым о себе мнением, но он ничего не мог с собой поделать, ему это льстило.

— Захватываешь укромный уголок, — объяснял Раф. — Растишь коноплю или мак. Покупаешь оружие. Это как маленькое государство, но тебе не нужны ни юристы, ни бюрократы, ни рекламщики, никакие глупые ублюдки в костюмах. У тебя есть стволы, и у тебя есть власть. Ты говоришь людям, что сделать, и они бегут и делают. Возможно, такое и не может длиться вечно. Но пока оно длится, это рай на земле.

— Это хорошо, Раф. Вот теперь ты со мной откровенен. Я это ценю, правда ценю.

— В прессе твердят, мне, мол, нравится убивать людей. Ну конечно, мне нравится убивать людей! Это привносит в жизнь героизм. Если б убийства не щекотали нервы, никто не стал бы покупать билеты на фильм, где людей убивают. Но если б я хотел убивать, я поехал бы в Чечню, в Грузию, в Абхазию, наконец. Не в том соль. Любой идиот может стать военачальником в зоне военных действий. Соль в том, чтобы стать военачальником там, где люди жирные, размякшие и богатые! Военачальником надо становиться у самых границ разваливающейся империи. Это наилучшее место! Знаю, у меня были в прошлом мелкие недостатки. Но девяностые — это шестидесятые наоборот. На сей раз я намерен выиграть и это выигранное удержать! Я намерен захватить эти островки. Я введу военное положение и стану править собственным указом.

— А как насчет временного правительства из трех человек?

— Я решил, что эти мальчики ненадежны. Мне не понравилось то, как они обо мне проговорились. Так что я сокращу процесс и выдам очень скорые и убедительные результаты. Я захвачу в заложники двадцать пять тысяч человек.

— Как тебе это удастся?

— Как? Заявив, что у меня есть русская ядерная боеголовка малой мощности, которой, кстати, у меня на деле нет. Но кто решится назвать это блефом? Я Раф Шакал! Я знаменитый Раф! Все знают, что я на такое способен.

— Ядерная боеголовка малой мощности, да? Похоже, старые сценарии террора и впрямь хороши…

— Конечно, такой боеголовки у меня нет. Но у меня есть

десять килограммов дешевого радиоактивного цезия. Когда они пролетят над островами со счетчиками Гейгера, или какое еще дурацкое ученое устройство используют сейчас группы захвата, — показания будут выглядеть вполне убедительно. Финны не посмеют устроить у себя второй Чернобыль. Они с последнего еще до сих пор в темноте светятся. Так что, согласись, я вполне умерен в своих запросах. Я прошу только несколько островков и несколько тысяч человек. Я буду соблюдать требуемые формальности, если они мне позволят. Я выпущу милый флаг и немного монеты.

Старлитц потер подбородок:

— Вот эта монета, похоже, будет особенно интересной, учитывая наше дельце с электронным банком.

Раф выдвинул ящик стола и достал оттуда стакан для виски и беспошлинную бутылку финской настойки на морошке. Выпивка на Аландах была на порядок дешевле, чем в Финляндии.

— Сингапур всего лишь крохотный островок. — Раф прищурился, плеснул себе настойки. — Никто не жалуется на то, что у Сингапура есть ядерное оружие.

— Впервые слышу, приятель.

— Разумеется, оно у них есть! Уже пятнадцать лет. Уран они купили в Южной Африке еще во времена апартеида, когда бурам отчаянно требовались деньга. А ядерные заряды построили сами. Сингапур вполне способен потратить столько трудов. Но они все там трудоголики.

— Что ж, логично. — Старлитц помедлил. — Я все еще осваиваюсь с твоим предложением. А как с планами на будущее, Раф? Предположим, ты получишь то, что требуешь, и каким-то образом удержишь острова. Что тогда? Что, по-твоему, будет через десять лет?

— Мне всегда задавали этот вопрос. — Раф отхлебнул настойки. — Хочешь морошковой? Крохотные золотые ягодки финской тундры, и я не перестаю удивляться, какие они сладкие.

— Нет, спасибо, но пей, не смотри на меня, приятель.

— В прошлом меня не раз спрашивали, в основном переговорщики, желающие освободить заложников, со временем разговоры приедались, и мы иногда переходили на философию… — Раф аккуратно навернул крышку на бутылку настойки. — Они мне говорили: «Раф, что такого в этой твоей Революции? Какой мир ты пытаешься нам построить?» У меня было много времени подумать над этим вопросом.

— И?..

— Ты когда-нибудь слышал, как Джимми Хендрикс исполняет «Усеянный звездами флаг»?

Старлитц моргнул:

— Ты что, шутишь? Эта песня и по сей день продает крупные партии из вчерашних каталогов.

— В следующий раз послушай по-настоящему эту композицию. Попытайся представить себе страну, где эта музыка действительно была бы национальным гимном. Не диковиной, не пустой мечтой, не модой, не пародией, не протестом против какой-то там войны, не для молодых янки, укурившихся на дурацком флэту в пригороде Нью-Йорка, где эта песня была бы социальной реальностью. Вот как я хочу, чтобы жили люди. Люди — они овцы, у них духу не хватает жить такой жизнью. Если у меня будет шанс, я могу заставить их так жить.

* * *

Старлитц любил быстроходные моторки. Управлять ими почти так же легко и приятно, как вести машину. Агенты Рафа украли такую моторку в Копенгагене и на большой скорости привели через Балтийское море. Поскольку это было судно, каким традиционно пользовались умники, ввозящие контрабандные наркотики, датские полицейские просто решат, что его украли наркодельцы. И не слишком ошибутся.

Старлитц изучил морскую карту.

— Я сегодня застрелила полицейского, — сказала Айно.

— Почему ты так говоришь? — Старлитц поднял на нее взгляд.

— Я насмерть застрелила полицейского. Это был констебль в Мариэхамне. Я зашла в его офис. Сказала ему, что кто-то украл запаску из моей машины. Я отвела его за офис, чтобы показать ему машину. Я открыла багажник, а когда он наклонился посмотреть, где запаска, я выстрелила в него. Трижды. Нет, четыре раза. Он упал прямо в багажник. Я затолкала его ноги внутрь и захлопнула крышку. А потом я уехала с трупом.

Старлитц очень тщательно сложил морскую карту.

— Ты позвонила и взяла это на себя?

— Нет. Раф сказал, что копу лучше исчезнуть. Мы скажем, что он переметнулся на сторону финнов и прихватил с собой секретные папки полиции. Это будет удачно для пропаганды.

— Ты что, действительно пристрелила мужика? Где тело?

— Здесь, на моторке.

— Стань за штурвал.

Выйдя из кабины, Старлитц заглянул в стеклопластиковый трюм. Там лежал мужчина в униформе — с виду мертвец.

Старлитц повернулся к девушке:

— Раф отправил тебя прикончить его одной?

— Нет, — гордо ответила Айно, — он послал со мной Матти и Йорму, но я приказала им стоять на стреме снаружи. — Она помедлила. — Люди лгут, говоря, что убивать трудно. Убивать очень просто. Три движения пальцем. Или четыре. Представляешь себе, как это делаешь, планируешь, как будешь это делать, а потом просто делаешь. И вот — готово.

— Как ты планируешь обойтись с вещественным доказательством в трюме?

— Мы обмотаем труп цепями, какие я купила в скобяной лавке, а потом выбросим в море где-нибудь на полпути к острову вашей старой дамы. Вот, возьмите штурвал.

Старлитц вернулся к управлению моторкой. Айно выволокла из трюма мертвого полицейского. Труп весил намного больше, чем она сама, но Айно была девушка сильная и решительная и лишь временами брезгливая. Она методично обмотала тело тяжелыми стальными цепями, которые при этом покорно звенели, временами звон сменялся щелчком дешевых замков.

Старлитц наблюдал за происходящим, искоса присматривая за приборами:

— Это была идея Рафа послать со мной на переговоры труп?

Айно поглядела на него серьезно:

— Это единственная лодка, какая у нас есть. Мне пришлось воспользоваться ею. Захватывать паромы пока рано.

— Раф любит показывать, что говорит серьезно.

— Это я показываю, что мои намерения серьезны. Это я убила полицейского. Я положила его в моторку. Он — агент оккупационных властей в униформе угнетателей. Он законная мишень. — Айно со вздохом отбросила косы назад. — Относитесь ко мне серьезно, мистер Старлитц. Я молодая женщина, я одеваюсь как панк потому, что мне того хочется, и, возможно, я слишком много читаю книг. Но я действительно имею в виду то, что говорю. Я верю в наше дело. Я происхожу из маленькой, никому не известной страны, и моя группа маленькая, никому не известная группа. Но это не важно, поскольку мы отдаем себя борьбе. Мы действительно вооруженная ударная сила революции. Я собираюсь свалить правительство здесь и захватить эту страну. Сегодня я убила угнетателя. Это долг вооруженного революционера.

— Итак, вы возьмете эти острова силой. А потом что?

— Потом мы избавимся от этих этнических аландцев. Они будут сами по себе, нам они ни к чему. После этого мы, финны, сможем быть действительно финнами. Мы станем настоящим

финским народом по настоящим аутентичным финским законам.

— А что тогда?

— Тогда мы займем финноугорские земли, украденные у нас русскими! Мы сможем отобрать у них Карелию. И Коми. И Ханты-Мансийск. — Айно сердито глянула на Старлитца. — Вы даже не слышали никогда об этих местах. Не слышали? Для нас они священны. Они — в «Калевале». Но вы, вы никогда даже не слышали о них…

— А что случится потом? Она пожала плечами:

— Разве это моя проблема? Я никогда не увижу воплощения этой мечты. Думаю, копы убьют меня гораздо раньше. Как по-вашему?

— Думаю, нас ждут щекотливые переговоры по книжному контракту.

— Хватит беспокоиться. Вы слишком много беспокоитесь о банальных вещах.

Она методично навернула еще одну петлю из цепи на тело, потом перебросила мертвого полицейского за борт. Лицом вниз труп заколыхался в кильватере моторки, потом медленно исчез под водой из виду.

Айно перегнулась через стеклопластиковый планшир и помыла руки в проносящейся мимо морской воде.

— Только говорите с ней помедленнее, — сказала она. — Старая дама пишет по-шведски, вы это знали? Я все о ней выяснила. Шведский — ее родной язык. Но говорят, по-фински она говорит очень хорошо. Для аландки.

* * *

Старлитц пристал к небольшому деревянному причалу. Весь островок, одетый в темный, склизкий от водорослей гранит, был размером не более двадцати акров. Старая дама жила здесь со своим еще более старым и немощным братом. Оба они родились на острове и изначально жили здесь с родителями, но отец умер в 1950-м, а мать — в 1968-м.

Единственным способом попасть на остров оставались катер или моторка. Здесь не было ни телефона, ни электричества, ни канализации. Дом старой дамы оказался двухэтажным каменным особняком под крутой черепичной крышей, на лужайке перед ним помещался каменный колодец, а чуть подальше и сбоку прикорнул деревянный сарай. Свесы крыши были резные и расписаны красным и желтым. Вокруг бродили куры и пара мелких приземистых островных овец. На деревянной стреле для

подъема тяжестей красовался самодельный маяк с незажженной летом масляной лампой. И кругом множество чаек. Старлитц громко окликнул хозяев с причала, что показалось ему наиболее вежливым приветствием, но из дома ему не ответили. Поэтому им с Айно пришлось протащиться по камням и газону, разыскать входную дверь и постучать в нее. Никакого ответа.

Старлитц толкнул изъеденную солью дверь. Она была не заперта. Окна стояли открытые настежь, и по гостиной гулял морской бриз. Здесь были сотни книг на шведском и финском, трепещущие на ветру листы бумаги и несколько весело маразматических картин маслом. Несколько вполне приличных бронзовых статуэток и вставленные в рамки финские театральные афиши тридцатых годов. Заводящаяся ручкой «викторола».

Отрыв дверь шкафа, Старлитц поглядел на одежду для непогоды штормовки и сапоги.

— Знаешь что? Наша старая дама — настоящая каланча. Она просто викинг, черт побери.

Он прошел из гостиной в рабочую комнату. Нашел там деревянный секретер и отличное, обитое бархатом кресло. Словари, шведская энциклопедия. Несколько основательно зачитанных путеводителей и коллекция фотографий с видами Балтики и Северного моря.

— Ничего тут нет, — пробормотал он.

— Что вы ищете? — поинтересовалась из гостиной Айно.

— Не знаю точно. Что-нибудь, что бы объяснило, что произошло.

— Тут записка! — позвала его Айно.

Старлитц вернулся в гостиную. Взял из ее рук записку, написанную каллиграфическим почерком на линованном листе из блокнота с изображением Неркулена Спеффи.

«Дорогой мистер Старлитц. Прошу извинить мое отсутствие. Я уехала в Хельсинки, чтобы дать показания. Я еду в Парламент Суоми по зову гражданского долга, который давно не дает мне покоя. Сожалею, что вынужденно не смогла принять вас, и надеюсь побеседовать с вами о моих многочисленных читателях в Токио в другой, более счастливый для всех нас день. Прошу, простите меня, что вам пришлось грести столько миль и вы меня не застали. Пожалуйста, выпейте чаю с печеньем, в кухне все приготовлено. До свидания!»

— Она уехала в Хельсинки, — сказал Старлитц.

— Она никогда больше не путешествует. Я очень удивлена. — Айно нахмурилась. — Она сэкономила бы нам массу трудов, если б у нее был сотовый телефон.

— Зачем она им понадобилась в Хельсинки?

— Ну, думаю, ее заставили туда поехать. Местные аландцы. Властные структуры местных коллаборационистов.

— Какая от нее, по-твоему, может быть польза? Она вне политики.

— Это правда, но ею тут очень гордятся. В конце концов, детскую больницу — Детскую больницу Флюювинов на острове Фегле — это ведь она построила.

— Да?

— И парк на Соттунге. А на Брэде — Парк Флюювинов и Игровую площадку Большого Фестиваля Флюювинов. Она все это построила. Она никогда не оставляет себе денег. Все отдает. В основном Флюювинскому фонду педиатрических болезней.

Сняв солнечные очки, Старлитц отер лоб:

— Ты, случайно, не знаешь, к каким именно педиатрическим заболеваниям у нее особый интерес?

— Никогда не понимала подобного поведения, — сказала Айно. — Правда, правда. Наверное, это какое-то психическое заболевание. Бездетная старая дева в рамках несправедливого социального порядка… Лишенная здорового секса или выхода своим эмоциям… Живущая отшельницей все эти годы среди глупых книг и картин… Ничего удивительного, что она сошла с ума.

— Ладно, возвращаемся, — отозвался Старлитц. — С меня довольно.

Раф и Старлитц брели по лесу, хлопая медлительную и крупную скандинавскую мошку.

— Я думал, у нас уговор, — сказал Раф. Издалека доносился приглушенный хор скотских воплей из сауны. — Я просил тебя не привозить ее сюда.

— Она твоя лейтенант, Раф. Ты с ней и разбирайся.

— Мог бы быть потактичнее. Придумать какую-нибудь уловку или обходной маневр.

— Не хотелось быть выброшенным за борт моторки. — Старлитц потер укус на шее. — У меня очень серьезная закавыка в переговорах, приятель. Объект снялся с лагеря, и надолго, а окно у меня очень узкое. Мы ж здесь говорим о японской массовой поп-культуре. Цикл производства-потребления у японцев сверхбыстрый. Потребительская мода у них сходит за четыре недели. В лучшем случае. Никто не говорил, что фруфики смогут долговременно продавать продукт, как это было с покемонами или телепузиками.

— Я понимаю, какие у тебя финансовые сложности с японскими спонсорами. Если б ты был немного терпеливее. Мы можем принять меры. Мы можем произвести перемены. Если

придется, Аландская республика национализирует литературную продукцию.

— Слушай, весь смысл операции — подать в суд на тех ребят в Японии, которые уже сейчас ее обирают. Нам нужно на бумаге иметь что-то, что выглядело бы достаточно серьезно, чтобы выдержать исследование и наподдать им под зад в Гаагском суде. Если собираешься заламывать кому-то руки из-за такого туманного вздора, как интеллектуальная собственность, нужно иметь что-то сверхмощное, иначе они не пойдут на попятный.

— Теперь ты меня пугаешь. Тебе надо бы попариться в сауне. Расслабиться. Там видак смотрят.

— Фильмы прямо в этом чертовом пару, Раф?

Раф кивнул:

— Это особые фильмы.

— Ненавижу, черт побери, видеосъемки.

— Это боснийские фильмы.

— Правда?

— Такие достать непросто. Из лагерей.

— Ты крутишь наемникам фильмы со зверствами?

Раф развел руками.

— Добро пожаловать в Европу двадцать первого века! — выкрикнул он пустому берегу. — Новенькие с иголочки европейские режимы апартеида! Где банды военных преступников похищают и систематически насилуют женщин других этнических групп. При свете софитов и при работающих ручных видеокамерах!

— Подобные слухи я слышал, — медленно произнес Старлитц. — Однако в них довольно трудно поверить.

— Пойди в сауну, приятель, и этим фильмам ты поверишь. Просто невероятно, и тем не менее чистая правда. Голая реальность, черт побери. Особой радости они тебе, возможно, не доставят, но эту видеодокументацию стоит посмотреть. Следует свыкнуться с подобными методами для того, чтобы понять современное политическое развитие. Эти фильмы — как сырое мясо.

— Должно быть, подделка, приятель.

Раф покачал головой:

— Европейцы всегда так говорят. Они всегда игнорируют слухи. А о зверствах узнают для себя пять лет спустя после событий. Тогда они ведут себя так, словно крайне шокированы и озабочены случившимся. Эти видеофильмы существуют, друг мой. У меня они есть. И у меня есть даже больше. Я заполучил женщин.

— Шутишь?

— Я купил женщин. Выменял их по бартеру за пару стингеров. Пятнадцать насильно увезенных босниек. Мне привезли их сюда в опечатанных грузовых фурах. Я потратил уйму труда на их перевозку.

— Белое рабство, приятель?

— Плевать мне на цвет кожи. Не я же их поработил. Я — тот, кто спас им жизнь. Полно было других девушек, кто оказался более упрям или, кто знает, может, не такие хорошенькие. Все они теперь — трупы в канаве с пулями в затылке. Эти женщины все сделают ради выживания. Хорошо бы, у меня их было больше пятнадцати, но я только-только разворачиваюсь. — Раф улыбнулся. Пятнадцать человеческих душ! Я спас пятнадцать человек! Тебе известно, что это больше, чем я убил своими руками за всю свою жизнь?

— Что ты намерен делать с этими женщинами?

— Прежде всего, они будут развлекать мои верные войска. Для того мне и нужны были женщины, что навело меня на мысль привезти босниек. Признаю: труд в секс-индустрии тяжел. Но под моим присмотром их хотя бы после самого акта не пристрелят.

Раф прошел по каменистому берегу к краю курортного причала. Это был неплохой причал и к тому же прекрасно оснащенный. К обитому резиной бортику была пришвартована одинокая стеклопластиковая моторка, но здесь мог бы пришвартоваться и средних размеров крейсер.

— Женщины будут мне благодарны. Вот так, мы признаем, что они существуют! У них не было даже документов, не было имен. И мир полон подобных им людей. После десяти лет гражданской войны в Югославии рабов и рабынь открыто продают в Судан. Курдов травят газами, как вредителей, в Ираке и стреляют без предупреждения в Турции. Сингалезцы убивают тамилов. Нельзя забывать о Восточном Тиморе. По всей планете потихоньку исчезают небольшие группы населения. По всему миру группки людишек прячутся испуганно, не имея ни документов, ни юридического статуса… Поистине безгосударственные люди мира. Мои люди. Но тут, на богатых северных островках, тысячам из них найдется место.

— Это серьезное и новое затруднение в операции, приятель. Ты обговорил это с Петербургом?

— Это новшество не требует обсуждений, — надменно ответил Раф. — Это нравственное решение. Людей не должны убивать на погромах скоты, которые ненавидят их лишь за то, что они отличаются от них. Как революционный идеалист, я отказываюсь мириться с такими зверствами. Угнетенные нуждаются в великом вожде. В провидце. В спасителе. Во мне.

— По твоим словам выходит — культ личности.

Взметнув длинный хайер, Раф горестно покачал головой:

— Ну да, полагаю, ты бы предпочел, чтобы все они потихоньку погибли! Как все и каждый в современном мире, кто никогда и пальцем не шевельнет, чтобы им помочь!

— А что, если местные возмутятся?

— Я дам иностранцам гражданство. Их голоса тогда перевесят голоса местных. Я буду диктатором, пришедшим к власти по праву, волеизъявлением большинства — ну не чудесно ли это? Я установлю постмодернистскую статую Свободы, которая осветит мир ради теснящихся масс. Свою, а не ту лицемерную ханжу, что стоит на Гудзоне. Беженцы — это не вредители, даже если богачи презирают их. Они — лишенные дома человеческие существа, у которых нет места, чтобы сомкнуть ряды. Пусть они сплотятся здесь вокруг меня! К тому времени, когда я отойду от власти — через много лет, когда я буду совсем седым и старым, — они будут творить великие дела на этих северных островках.

* * *

Проститутки прибыли на рыболовецком траулере. С виду они очень походили на обычных проституток из самой быстро растущей в мире экономики проституции России. Они вполне могли сойти за женщин из стран Балтии. Во всяком случае, внешне они были славянки. С борта траулера они спустились потрепанные качкой, но, похоже, преисполненные решимости. Не паникующие, не ошеломленные, не раздавленные ужасом. Просто группа из пятнадцати более или менее молодых женщин в микроюбках и спандексе, которым предстоит тяжкий труд заниматься сексом с незнакомыми людьми.

Старлитц был вовсе не удивлен, увидев, что проституток пасет Хохлов. Хохлова сопровождали два новеньких телохранителя. В силу необходимости число людей, посвященных в тайну местонахождения Рафа, было очень невелико.

— Ненавижу работу сутенера, — простонал Хохлов. На борту траулера он пил. — В такие дни я точно знаю, что стал преступником.

— Раф сказал, эти девушки — рабская рабочая сила из Боснии. Какая тут сенсация?

Хохлов даже вздрогнул от удивления:

— Что ты имеешь в виду? За кого ты меня принимаешь? Это эстонские шлюхи. Я сам привез их из Таллинна.

Старлитц внимательно наблюдал за тем, как телохранители гонят своих подопечных в сторону улюлюкающих скотов в сауне.

— Но, судя по речи, говорят они на сербо-хорватском, ас.

— Ерунда. Это эстонский. Не делай вид, что понимаешь эстонский. Никто не понимает этой финноугорской тарабарщины.

— Раф уверял меня, что эти женщины боснийки. Сказал, что купил их и собирается при себе оставить. Зачем ему говорить такое?

— Раф над тобой подшутил.

— Что ты имеешь в виду этим «подшутил»? Он говорил, они жертвы гулага насильников! Ничего в этом нет смешного. Просто никак не выставить такое смешным.

Хохлов воззрился на Старлитца в скорбном удивлении:

— Леха, почему ты хочешь, чтобы гулаги были «смешными»? Гулаги — это не смешно. Погромы — это не смешно. Война — это не смешно. Изнасилование это совсем не смешно. Человеческая жизнь, знаешь ли, очень трудна. Мужчины и женщины действительно страдают в этом мире.

— Это я знаю, приятель.

Хохлов оглядел его с головы до ног, потом медленно покачал головой:

— Нет, Леха, ты этого не знаешь. Ты не можешь этого знать так, как знает это русский.

Старлитц задумался. Это казалось неизбежной и неотвратимой правдой.

— Ты спросил этих девушек, из Боснии ли они?

— С чего мне их об этом спрашивать? Ты знаешь официальное отношение Кремля к конфликту в Югославии. Ельцин говорит, что наши братья, православные славяне, не способны на подобные преступления. А рассказы о насилии в лагерях — паникерская клевета, распространяемая католиками, хорватами и боснийскими мусульманами. Расслабься, Леха. Все женщины, кого я привез, — эстонские профессионалки. Даю тебе слово.

— Раф только что дал мне свое слово, что все обстоит иначе.

Хохлов поглядел ему в глаза:

— Леха, кому ты веришь? Какому-то хиппи-террористу или бывалому закаленному офицеру КГБ, который на хорошем счету в русской мафии?

Старлитц поглядел на усыпанный цветами аландский луг:

— Ладно, Булат Романович… Я тут было… я действительно подумывал… ну знаешь, может, мне следует что-то предпринять… Ладно, не важно. Теперь к делу. Наша операция с банком разваливается на части.

Хохлов был неподдельно поражен.

— О чем ты говоришь? Ты это не всерьез. Все у нас идет отлично, в Петербурге нас любят.

— Я имею в виду, что старую даму нельзя купить. Она просто вне досягаемости. Сделка провалена, ас. Не знаю, как и когда выдохся драйв, когда мы потеряли темп, но, уж поверь, запах гнили я чую. Эту ситуацию не вытянуть, приятель. Думаю, настало время нам с тобой к чертям отсюда убираться.

— Ты не смог провести свою рекламную сделку? Очень жаль, Леха. Но это не важно. Я уверен, мы сможем отыскать другую схему добывания капитала, такую же дешевую и быструю. Всегда остаются «наркотики и оружие».

— Нет, сам расклад тут смердит. Это затея с видео меня на это навела. Булат, я когда-нибудь говорил тебе о том факте, что я лично никогда не появлюсь на видео?

— То есть как, Леха?

— По крайней мере, раньше так было. Если б на меня тогда, в восьмидесятые, направили видеокамеру, она бы треснула или раскололась или плата бы сгорела. Меня просто нельзя заснять на видеопленку.

Медленно-медленно Хохлов вынул из внутреннего кармана пиджака серебряную фляжку. Он сделал долгий задумчивый глоток, потом скривился, лицо у него дернулось. Наконец взгляд его с усталой неторопливостью сосредоточился на Старлитце.

— Прошу прощения. Не мог бы ты это повторить?

— Все дело в видео. Вот почему я и занялся онлайн бизнесом. Первоначально я был самым что ни на есть обычным агентом, образцовым «никем». Но это видеонаблюдение начало серьезно действовать мне на нервы. Я не мог даже дойти до забегаловки на углу за пачкой сигарет, чтоб не забили тревогу с полдюжины, черт бы их побрал, камер. Но потом я обнаружил онлайн анонимность. Онлайн шифрование. Онлайн псевдонимы. Лично мне это действительно было на руку. Теперь у меня появился способ оставаться в подполье, оставаться совершенно никому не известным, даже если за мной наблюдали и отслеживали двадцать четыре часа в сутки. Я нашел способ быть самим собой.

— Леха, ты что, пьян?

— Нет. Слушай внимательно, ас. Я все начистоту выкладываю.

— Тебя что, Раф чем-нибудь напоил?

— Конечно. Мы кофе пили.

— Леха, ты на наркотиках. У тебя есть ствол? Отдай его мне немедленно.

— Раф роздал все пушки детишкам из АИЯС. Они

придерживают оружие, пока наемники не протрезвеют. Простая мера предосторожности.

— Может, ты еще не акклиматизировался. Трудно спать, если солнце никогда не садится. Тебе следует прилечь.

— Послушай, ас. Я не какой-то там паршивый слабак, который не знает, когда он на кислоте. Правила обычных людей просто ко мне неприменимы, вот и все. Я не обычный мужик. Я — Легги Старлитц, я — очень, очень странный парень. Вот почему я обычно оказываюсь в подобных ситуациях. — Старлитц провел ладонью по потному скальпу. — Помнишь ту мафиозную цыпочку, какую ты закадрил в Азербайджане?

Хохлов помедлил, чтобы порыться в памяти.

— Ты имеешь в виду милую и очаровательную Тамару Ахмедовну?

— Ее самую. Жену секретаря обкома. Я был откровенен с Тамарой ровно в такой же ситуации. Я ей прямо сказал, что ее мирок разваливается на части. Я не мог сказать ей почему, я просто знал. В то время она мне тоже не поверила. Точно так же, как ты не веришь мне сейчас. Знаешь, где сейчас Тамара Ахмедовна? Торгует подержанными автомашинами в Лос-Анджелесе.

Хохлов побледнел.

— Ладно, — сказал он и выхватил из внутреннего кармана пиджака сотовый телефон. — Не говори мне ничего больше. Понимаю, у тебя дурные предчувствия. Дай мне сделать пару звонков.

— Хочешь телефон Тамары?

— Нет. Не уходи. И не сделай ничего опрометчивого. Все, о чем я прошу, просто дай мне кое с кем связаться.

Хохлов начал торопливо набирать цифры.

Старлитц прошел мимо сауны. Четверо расчувствовавшихся пьяных в чем мать родила выскочили из домика и побрели шатаясь по тропке перед ним. Их бледные потные шкуры были улеплены мятыми березовыми листьями от финских веников. С экстатическим уханьем двусмысленной боли они бросились в холодное море.

Где-то внутри товарищи по Новому Мировому Порядку распевали «Старое доброе время».[2] Русские никак не могли попасть в такт.

* * *

Раф с наслаждением дремал на криволинейном диване от

Аалто, когда его разбудили Хохлов и Старлитц.

— Нас предали, — объявил Хохлов.

— Да? — сонно переспросил Раф. — Где? Кто предатель?

— К несчастью, вышестоящие. Раф, протирая глаза, задумался:

— Почему ты так говоришь?

— Им очень понравилась наша идея, — сказал Хохлов. — А потому они ее у нас украли.

— Интеллектуальное пиратство, приятель, — пояснил Старлитц. — Дрянной у нас мирок.

— С Аландами покончено, — продолжал Хохлов. — Высшие круги Организации решили, что мы проявляем слишком много инициативы. Они желают пожестче контролировать такую роскошную идею. Наши финские хакеры попрыгали за борт и перешли к ним. Они перемаршрутизировали все «саны» на Калининград.

— А где это, Калининград? — спросил Раф.

— Это дурацкий клочок России по ту сторону всех трех независимых балтийских государств, — с готовностью объяснил Старлитц. — Они говорят, что превратят Калининград в новый русский Гонконг. Старый Гонконг вот-вот сожрут и переварят китайцы, так что мафия решила, что пора России породить свой собственный. Они превратят этот крохотный аванпост в Балтийскую беспошлинную зону, она же европейское буферное микрогосударство. Нашим финским хакеришкам они платят втрое против нашего плюс авиабилет.

— Всемирный банк помогает им кредитами на развитие, — вмешался Хохлов. — Всемирный банк просто без ума от их идеи с Калининградом.

— Плюс Европейский союз, приятель. Европейцам только и подавай что беспошлинные зоны.

— И финны тоже, — сказал Хохлов. — Вот что самое худшее. Финны нас продали. Россия раньше должна была по две сотни долларов на каждого финна. В обмен на списание с долга каких-то дрянных пятидесяти миллионов долларов мои боссы всех нас сдали финнам. Они рассказали финнам о наших планах, и они продали нас, как если б мы были какой-нибудь паршивой танковой дивизией. Финская группа уничтожения уже вылетела прямо сюда, чтобы нас прикончить.

Круглое мясистое лицо Рафа потемнело от ярости.

— Так, значит, вы предали нас, Хохлов?

— Это мои боссы пустили нас под откос, — стойко ответил Хохлов. — По сути, я вычищен. Меня вышибли из Организации. Наша идея понравилась им гораздо больше, чем им нравился я.

Так что я буду пущен в расход. Я труп.

Раф повернулся к Старлитцу:

— За это мне придется пристрелить Булата Романовича. Ты, надеюсь, это понимаешь?

— А у тебя что, есть пушка, приятель? — вопросительно поднял брови Старлитц. — Оружие у Айно. — Спрыгнув с дивана, Раф бросился вон из комнаты отдыха.

Хохлов и Старлитц поспешно последовали за ним.

— Ты позволишь ему застрелить меня? — краем рта спросил Хохлов.

— Послушай, парень выполнил свои обязательства. Он всегда выполнял свое вовремя и по инструкции.

Айно они застали в подвале одну. При ней было старое ружье для охоты на лосей.

— Где арсенал? — потребовал Раф.

— Я приказала Матти и Йорме увезти все оружие с этого участка. Твои наемники — ужасающие скоты, Раф.

— Ну конечно, они скоты, — отозвался террорист. — Вот почему они идут за Шакалом. Одолжи мне на минуту ружье, дорогая. Мне нужно пристрелить этого русского.

Айно загнала в казенник патрон размером с большой палец и встала:

— Это мое любимое ружье. Я никому его не отдам.

— Тогда пристрели его сама, — сказал Раф, ловко отступая на полшага. Его мафиози сорвали программу Движения. Они предали нас финским угнетателям.

— С материка летит полиция, — вмешался Старлитц. — Все кончено. Пора разбегаться, девочка. Пора убираться отсюда.

Айно не обратила на него ни малейшего внимания.

— Я же говорила тебе, что русским нельзя доверять, — сказала она Рафу. Она побелела как полотно, но держала себя в руках. — Какое отношение к Финляндии имеют эти американские наемники? Мы б легко со всем справились, если б не твои амбиции.

— Человеку нужна мечта, — объяснил Раф. — Каждому нужна великая мечта.

Айно навела ружье в грудь Хохлову.

— Пристрелить вас? — запинаясь, спросила она его по-русски.

— Я не полицейский, — с готовностью предложил Хохлов.

Айно задумалась, однако ружье не шевельнулось.

— Что вы сделаете, если я вас не застрелю?

— Понятия не имею, — удивленно отозвался Хохлов. — Ты что планируешь делать, Раф?

— Я? — переспросил террорист. — Ну, я бы мог убить тебя голыми руками. — Он поднял пухлые, с ямочками ладошки в позу карате.

— Ну да, очень тебе это поможет против вертолета с озлобленной финской группой уничтожения, — отозвался Старлитц.

Раф расправил плечи:

— Как бы мне хотелось с оружием в руках защищать эту землю и погибнуть на ней! Насмерть сразиться с финскими угнетателями! Однако, к несчастью, у меня нет арсенала.

— Спасайся, Раф, — сказала Айно.

— Что ты такое говоришь, дорогая? — спросил Раф.

— Беги, Раффи. Спасай вою жизнь. Я останусь здесь с твоими дурацкими шлюхами и твоими пьяными голыми неудачниками, а когда появятся полицаи, вот тут я их постреляю.

— Не слишком мудрый ход, если собираешься выжить, — сказал ей Старлитц.

— Почему я должна бежать, как вы? Мне что, позволить моей революции рухнуть от первого же толчка властей? Даже без толики сопротивления? Это мое священное дело!

— Послушай, ты всего лишь одна маленькая девочка, — взялся увещевать ее Старлитц.

— Ну и что? Они переловят всех этих глупых шлюх, мужчин и женщин, пока те будут валяться в пьяном ступоре. Полицаи наденут на них наручники, тем все и кончится. Но не на меня. Я буду сражаться. Я буду стрелять. Может, меня убьют, может, меня схватят живьем. Тогда мне просто придется жить в маленьком каменном домике. Совсем одной. Долгое, долгое время. Но я этого не боюсь! У меня есть мои убеждения. Я была права! Я не боюсь.

— Знаете, — весело сказал Хохлов, — если мы возьмем моторку, через три часа мы можем быть уже у побережья Дании.

* * *

Водяная пыль летела им в лицо, и Аландские острова таяли вдали.

— Надеюсь, в Дании нам не слишком часто придется проходить через паспортный контроль, — озабоченно сказал Хохлов.

— Паспорта не проблема, — отозвался Раф. — Не для меня. И не для моих друзей.

— Куда мы направляемся? — спросил Хохлов.

— Ну, возможно, затея с аландским офшорным банком была несколько преждевременна, — раздумчиво произнес Раф. — Я провидец. Я всегда на двадцать лет опережаю время — но сейчас, возможно, всего на двадцать минут. — Раф вздохнул. — Чудесная девушка эта Айно! Она так мне напомнила… ну, столько было чудесных девушек… Но мне следует пожертвовать моей привычкой ударяться в поэтические мечты! В этот трагический момент мы должны перегруппироваться, мы должны обеими ногами твердо стоять на земле. Ты со мной согласен, Хохлов? Нам следует отправиться в единственное место действия в Европе, которое гарантирует прибыть.

— В бывшую Югославию? — с готовностью спросил Хохлов. — Говорят, из Белграда можно бесплатно позвонить по телефону куда угодно во всем мире. Используя валюту, которой больше и не существует-то вовсе!

— Там очевидный потенциал, — продолжал Раф. — Разумеется, это требует дельцов, умеющих приземляться на ноги и сухими выходить из воды. Людей действия. Лучших на своей стезе.

— Босния-Герцеговина, — выдохнул Хохлов, поднимая раскрасневшееся лицо к новому, без устали поднимающемуся солнцу. — Новый фронтир! Что скажешь, Старлитц?

— Думаю, я какое-то время просто пооколачиваюсь тут и там, — отозвался тот и зажал себе нос большим и указательным пальцами.

Внезапно и без дальнейших слов он перевалился спиной за борт в темную воду Балтики. Через несколько кратких мгновений он уже исчез из виду.

notes

Примечания

1

Да здравствует цифровая революция! (исп.)

2

«Auld Lang Syne» — песня, которой по традиции заканчивается встреча друзей, собрание и т. п.